

ЕВГЕНИЯ МАЛЯР

18+

**ИВАНА
КУПАЛА**

Евгения Маляр
Ивана Купала

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Маляр Е.

Ивана Купала / Е. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В каждой женщине есть что-то от ведьмы. Кира, ведьма по крови, за минувшие 10 лет сделала все, чтобы об этом забыть. Жить обычной жизнью, воспитывать дочь - не в этом ли счастье? Но, когда в город больших денег приходит шабаш, сложно устоять перед соблазном. Ей предстоит вспомнить семейные навыки и вновь сделать выбор. Ведьмы, домовые, лешие и прочая нечисть – легенды южнославянского мира оживают в поисках ответа на вечные вопросы: в чем сила и где оно, истинное счастье.

Содержание

Пролог	5
Часть 1.	6
2.	11
3.	14
4.	16
5.	19
6.	21
7.	25
8.	28
9.	31
10.	32
11.	34
12.	37
13.	41
14.	45
15.	48
Часть 2.	49
1.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Огни на буксире выключены. Только стекло рубки отблескивает редкие огоньки берега. Баржа еле слышно скользит вверх по Днепру – с юга на север. Гирлянды потушены. На борту притихли, кажется, осознавая, во что ввязались.

Что за дикая идея – прогулка от Тамани через Керченский пролив и Черное море вверх по Днепру?

Надо остановиться, повернуть обратно, пока не поздно, пока не догулялись до международного скандала.

Но баржа, крадучись как вор в тихой украинской ночи с бездонным звездным небом при свидетельстве молодого месяца, продолжает ход. Её упорно подталкивает призрак-буксир.

Не то чтобы страшно. Скорее глупо. Бессмысленно.

Пологий берег в ивах. Здесь, должно быть, совсем мелко. Баржа чудом не скребет днищем речное дно.

Горят костры. Там, за ивами, недалеко от кромки воды поют и танцуют вокруг костров.

На берегу стоит старушка в темной шерстяной юбке, серой кофте поверх блузы, красном цветочном платке с синтетическими золотистыми нитями, повязанном на голову как обычно она это делала – узлом под затылок.

Баржа почти у берега – так близко, что можно сойти. Можно, но нельзя. Нельзя обнять бабушку, нельзя поговорить, даже шепотом, пока баржа притормаживает.

Она молча улыбается выгоревшими почти добела когда-то светло-голубыми глазами и протягивает венок.

В нем 12 цветков: подсолнух для благополучия, бессмертник для здоровья, мальва ради надежды, тысячелистник для силы, барвинок – любви, василек – верности, ромашка – юности, калина – красоты, любисток – чистоты, хмель для ума, вишня во имя материнской любви и магические маки. Атласные ленты – желтые, голубые, синие, зеленые, красные – струятся ярким легким полотном, опускаясь почти до воды.

Часть 1.

1.

На вторую неделю жизнь в здании Центра анализа и экспертизы затаилась в ожидании. Локомотив, двигавшийся по инерции первые дни, начал сбавлять обороты, и вскоре замер. Иссяк поток поручений, приходивших из Большого дома десятками. Те, кто их выдавал, либо исчезли, не прощаясь, либо сами замерли до новых вводных.

Если бы кто-то с верхних этажей решил спросить у местных старожилов – коменданта и двух его подчинённых, они бы рассказали, сколько раз такое проходили. В среднем каждые 3-4 года. Однако все трое обитали слишком далеко от верхних этажей, за проходной, прямо не сворачивая, под арку мимо лифтов и гардеробной, далее направо (не перепутать с дверью в вентиляционную шахту!), налево и ещё раз направо в кабинетах 101 и 102 – строго с 09:00 до 18:00, по пятницам – до 16:45. Поэтому их никто не спрашивал, и комендант с командой привычно гонял чай.

Жизнь 12-этажного здания Центра находилась в прямой зависимости от Большого дома. Когда там, в Большом доме, менялись начальники, обновлялся состав обитателей Центра. Кадровая текучка была привычной и для обыденной жизни, но во времена перемен ускорялась в разы.

Свежая кровь заселяла Центр, само собой разумеется, сверху.

До сих пор существовало две схемы перемен.

Прежний руководитель мог переместиться в Большой дом и увести за собой ближний круг. Такое случалось нечасто и считалось оптимистичным вариантом.

Чаще начальник исчезал в пространственно-временном континууме столицы. К девятому этажу сведения о нём становились непроверенными слухами, а ниже и вовсе растворялись в рутине повседневности. Через пару месяцев уже никто и не помнил, кто был этот человек и почему исчез.

В любом из вариантов новые обитатели верхнего этажа въезжали в здание с собственным видением стратегических и тактических задач, коррелируемых с личным видением их шефов из Большого дома.

Это, само собой, подразумевало и обновление состава этажей ниже.

Как правило, новое видение отличалось от старого в пределах погрешности, но кого это волнует.

К пятому этажу волна перемен теряла скорость и упиралась в этажи, которые последние 20 лет сдавались в аренду. Этот оплот стабильности сохранялся в буре перемен, исключительно благодаря договорному праву. Каждый новый начальник Центра рано или поздно приходил к мысли обновить арендаторов, но везло лишь тем, на чьё время договор аренды истекал.

До первого этажа, куда много лет назад были выселены комендант с его боевой командой, доходили только отзвуки прибоя. Посему с первого этажа путь на выход оказывался сугубо добровольным. За последние почти 30 лет этим правом воспользовались только дважды. Оба раза в связи с пенсионным возрастом.

Какая никакая стабильность у самых Чистых прудов.

Однако ж ни войти, ни выйти из здания Центра без ведома коменданта не представлялось возможным: каждый новый сотрудник при поступлении на работу должен был пройти инструктаж по технике безопасности, а увольняясь, – сдать пропуск. Так что обитатели первого этажа всегда одними из первых видели масштабы очередной пересменки. И точно были единственными в здании, кто видел перемены в ретроспективе.

Они не знали точного ответа разве что на один вопрос: чем, собственно, занимается Центр.

На этот вопрос, впрочем, не мог однозначно ответить ни один обитатель здания.

Каждый конкретный человек понимал, чем занимается именно он, максимум – его управление, но понятия не имел, что делает соседний кабинет.

Хотя в общем-то всем было всё равно: соседи менялись, занимая рабочую площадь ровно столько, сколько того требовалось начальству, после чего не прощаясь исчезали, а в их кабинеты заселялись новые.

Вся полнота картины отсутствовала даже у 12-го этажа. Поэтому проще было отвечать кратко: «Анализ и экспертиза. По широкому кругу вопросов».

На этот раз перемены стартовали нетрадиционно: из Большого дома пришёл слух, что Главный подал в отставку.

Поначалу мало кто поверил. Настолько глобальные перемены случались редко. Скажем прямо, никогда.

Бывало, менялись начальники ступенькой пониже. Главный из Большого дома время от времени тасовал колоду, но от перемены мест кирпичей пирамида не теряла устойчивость.

Однако слух подтвердился: он, Главный, ушёл в историю.

Большой дом в растерянности замер, а вскоре и вовсе погрузился в панику. Её отголоски донеслись до Центра. Здание, казалось, стало цельным: с болезненным любопытством и философской обреченностью все этажи обсуждали одно – будущее.

Пока в один такой прекрасный день всеобщего единства будущее не дало о себе знать: исчез начальник Центра анализа и экспертизы.

Начальники исчезали и до тех пор. В этом как раз ничего необычного не было. Но исчезали фигурально. Физически собирали вещи, забирали трудовую, получали причитающийся расчёт, наконец, входили в лифт на 12-м этаже, спускались вниз, сдавали пропуск, после чего выходили в дверь.

Нынешний начальник исчез буквально.

Спустя несколько месяцев его секретарь вспоминала, что в тот памятный день отошла из приёмной строго на время законного обеденного перерыва.

Шеф был на месте, говорил по телефону, подписывал документы.

Вернувшись, она не застала его. И это было нормально: он далеко не всегда предупреждал об отъезде.

Только ближе к концу рабочего дня Ирина забеспокоилась, не получив ответ на несколько сообщений в мессенджере.

Но и такое случалось – начальник не отличался дисциплинированностью.

Лишь следующим утром, когда шеф не приехал, а телефон оказался отключен, она обнаружила на его столе, традиционно заваленном бумагами, листок с написанным от руки заявлением об увольнении.

Здесь Ирина немного слукавила: заявление она могла найти накануне, но на обеде задержалась, а потом, заглянув в кабинет и не обнаружив шефа, отвлеклась на личные дела и не забрала папку с подписанными документами.

«Психанул, видимо. Я тогда так решила».

– Не стоит волноваться по пустякам, прекрасная Ирина. Нервные клетки не восстанавливаются.

В незакрытую дверь кабинета сквозняком донесся голос из приёмной.

Ирина действительно была порядочной красоткой, отличавшейся холодной нордической красотой, которую, вероятно, завезли в Россию её скандинавские предки. Однако оснований для такой фамильярности она никому не давала, благодаря чему быстро взяла себя в руки, вернулась в приёмную и обнаружила источник звука.

– Во-первых, восстанавливаются. Это уже доказано. Во-вторых, вы, простите, кто? Вам назначено? Шефа сегодня не будет.

Посетитель медленно поднялся из гостевого кресла. С виду рослый на поверку он оказался почти одного с ней роста – не выше метра семидесяти. Наверное, оптический обман от худощавости.

Такого персонажа приёмная ещё не наблюдала.

Его с натяжкой можно было зачислить в категорию престарелых хипстеров. Для шефа, теперь уже бывшего, это был стандартный контингент.

Однако ж нынешний гость не поддавался однозначному зачислению в виртуальный каталог секретарского опыта.

Одет в вельветовый костюм болотно-зеленого цвета (угасающий тренд прошлый сезон). Светло-коричневая рубашка, мягкие коричневые мокасины на босу ногу. Намётанный глаз Ирины отсканировал белые лодыжки под укороченными брюками. Галстук отсутствует. Рубашка сильно помята.

Посетитель казался Ирине ожившим образом с полотен импрессионистов («Я как раз увлеклась историей изобразительного искусства»).

На вид – между 40 и 50.

Густые рыжие волосы в неловкой попытке зачесать налево. Хаотичная рыжая борода, отдаленно напоминающая эспаньолку, вытягивала и без того чрезмерно вытянутое матово белое лицо. Такие же рыжие брови и белесые глаза – чёрные точки зрачков, окружённые то ли светло-зеленой, то ли голубой ниткой радужки – толком не понять.

Правда, дефектный: левый глаз нормальный, а правый без движения.

И ухо! Левое ухо несоразмерно оттопыренное, будто его владельца за левое ухо все детство таскали.

– Прошу прощения. Боровой Иван Иванович, – сказал посетитель. – И всё же не волнуйтесь. Ваша премия, прекрасная Ирина, безусловно, будет вам выплачена, как и было оговорено. Более того, если вы будете хорошей девочкой, премия увеличится в два раза, плюс я могу гарантировать вам пять ежемесячных доходов в качестве выходного пособия за сущий пустяк – наше обоюдное решение о вашем увольнении, скажем, с завтрашнего дня.

Ирина опешила. Для незнакомца он знал слишком много – как минимум, про обещанную премию. Секретарский опыт охладил её первое негодование. В ожидании она молчала.

– Предложение действует в течение следующих 10 минут, – сказал мужчина. – И мне не хотелось бы вдаваться в описание перспектив возможного отрицательного ответа. Вы определенно не только красивая, но и умная женщина. И, думаю, вы догадываетесь, почему ваш шеф уже отсутствует на рабочем месте: он выбрал верный вариант, принимая во внимание все известные нам с вами политические моменты. Все довольны. Давайте и мы с вами останемся довольны от этого краткого, но от того не менее яркого знакомства. Я пока налью себе чай. Нет, не утруждайтесь, я знаю, где кухня.

«А как я по-вашему должна была поступить? – поясняла Ирина следователю позднее. – Конечно, я согласилась. Шеф сбежал. Кто его знает, кто на его место придет. Понятно, что меня рано или поздно и так бы попросили на выход. А тут сразу несколько окладов, премия. И за неотгулянные отпуска всё выплатили. Я даже туфли не успела собрать, как мне на карточку деньги упали. Мне не пришлось дела сдавать и по кабинетам бегать, все документы были готовы, этот вельветовый сам всё принес, поставила подписи и адьос. Нет, меня не волновало, что с шефом случилось. Сбежал, так сбежал. Он-то явно про меня не думал, когда заявление писал. Мне-то что. Сегодня один начальник, завтра другой. Я тут же купила горящий тур в Доминикану и улетела на две недели. Можете проверить. Мне-то что. Какая мне разница, что с шефом. Я уж и забыла про него давно».

Всё действительно так и происходило, за исключением одной детали. Пока посетитель делал чай, Ирина всё-таки попыталась ещё раз дозвониться до бывшего начальника. Абонент по-прежнему был недоступен.

Не без сожаления выпроводив прекрасную блондинку в максимально короткие сроки, вельветовый посетитель (а его и вправду звали Иваном Ивановичем Боровым), первым делом раскрыл нараспашку все окна.

В приёмную и кабинет ворвался холодный воздух. Он не был ему по вкусу – слишком много примесей городской жизни. Но воздух, циркулировавший в модернистской стеклянно-бетонной коробке выпуска 1960-х, вдыхался ещё тяжелее.

Иван Иванович закрыл дверь, отключил стационарный телефон и вернулся в кресло, закинув левую ногу на правую. В ожидании, словно причудливая коряга от старого дуба, поросшего мхом, он погрузился в полудрёму.

Не прошло и часа коряга зашевелила губами:

– Почему так долго?

– Долго недолго, как только так сразу, – защебетало воздушное создание. – Здесь холодно.

– Закрой окна, – открыл, наконец, глаза Иван Иванович.

На секретарском столе, по-детски раскачивая стройными тоненькими ножками в ярко красных замшевых сапожках, расположилась нимфа – иначе не сказать. Волны длинных золотистых волос покрывалом окутывали её хрупкое тельце, одетое в не по сезону лёгкое шифоновое платье. Игривый взгляд больших васильковых глаз, фарфоровая кожа, слегка вздёрнутый носик и маленькие пухлые губы бантиком – девушка без определённого возраста: с равным успехом ей могло быть и 15, и 35.

– Закрывать так закрыть.

Она пожала плечами, легким движением спрыгнула со стола и отправилась выполнять поручение.

– Пётр где? – спросил вдогонку Боровой.

– Я здесь, Иван Иванович.

Из смежной с приёмной кухни вышел с большой чашкой капучино молодой человек, неуловимо похожий на девушку. Он был крепко сложен, высокий – под два метра ростом, с классическими чертами лица. Скандинавский бог. Идеально скроенный серый шерстяной костюм-тройка с голубой рубашкой и темно-синим галстуком нарочито подчёркивали его неземную красоту.

Боровой, сбросив сонное оцепенение, поднялся с гостевого кресла и слегка прихрамывая направился в кабинет, рукой указав следовать за ним.

Девушка в красных сапожках как раз закрывала последнее окно.

– Лета, сядь, – сказал Иван Иванович.

Она невинно улыбнулась, вновь пожала плечами, как будто извиняясь, что ей придется сесть, и без особых размышлений забралась на начальственный стол, подмяв под себя ворох документов. Ощувив тяжёлый взгляд Борового, она мило хихикнула, в очередной раз пожала плечами и легко переместилась на один из стульев за совещательным столом.

Скандинавский бог, он же Пётр, разместился напротив Леты. Боровой занял место во главе стола.

– С чего начнем? – не выдержала затянувшегося молчания девушка.

– С того, что ты научишься молчать, пока тебя не спросят, – ответил Пётр.

Иван Иванович сделал вид, что не заметил перепалки. Он протянул Лете блокнот и карандаш:

– Записывай. Теперь это твоя работа – записывать поручения, отвечать на звонки, формировать график, подавать чай. Будешь секретарем.

Девушка довольно улыбнулась, незаметно показав молодому человеку напротив язык.

– Пиши. Во-первых, к утру здесь не должно быть и следа от всего этого хлама. Во-вторых, нужно назначить на завтра, на 12:00, совещание с заместителями начальника и руководителями управлений. В-третьих...

Иван Иванович остановился и с нескрываемым скепсисом посмотрел на Лету.

– В-третьих я сам займусь. Тебе пока достаточно. Можешь идти.

Девушка захлопала длинными ресницами, на мгновение обиделась. Но интеллект бабочки не позволял долго держать в голове такие мелочи, поэтому как обычно, пожав плечами, улыбнулась, встала и вышла за дверь.

Боровой остался наедине с Петром. Тот в полном спокойствии ожидании внимательно смотрел на вельветового господина.

– А тебе, Пётр, пора браться за дело.

– Без изменений?

– Без изменений.

Выждав ещё несколько секунд, не скажет ли Иван Иванович чего ещё, Пётр поднялся и вышел из кабинета.

Боровой, поразмышляв в одиночестве ещё минуту, покинул кабинет, а следом и приёмную. Лета, не обращая внимания, всю болтала по телефону, разворачивая спецоперацию по молниеносному редизайну начальственного офиса.

2.

– Господи, который час?

Супруга Фёдора Степановича, дама в теле, возраст чей в приличном обществе спрашивать не принято, приоткрыла, жмурясь, сонные глаза.

– Спи. Рано еще, полшестого, – ответил Фёдор Степанович.

Его возраст соответствовал возрасту супруги и составлял полвека и десять дней. Включив прикроватную лампу, он пытался отыскать правый тапок, заодно вытягивая обе руки сразу через рукав махрового халата расцветки леопарда – подарок супруги к юбилею.

У неё был «звериный период» – тигровая юбка, змеиная сумка, ботинки-зебры, теперь до халата для супруга дошло. С чем Фёдор Степанович смиренно согласился, лишь бы она оставалась счастлива.

Он, надо сказать, безропотно соглашался со всеми прихотями супруги. Другую такую ещё поискать. Маруся стойко переносила все его взлеты и падения, ошибки бурной молодости, многочисленные измены и стремительные переезды без всякой на то причины. Вот уже 10 лет каждый день Фёдор Степанович благодарил Бога, что засыпает и просыпается исключительно рядом с ней.

Фёдор Степанович, отыскав, наконец, тапок и облачившись в пушистый мягкий халат, поправил одеяло, прикрывая оголившиеся плечи супруги. Чуть задержался, бросил нежный взгляд, выключил лампу и направился прочь из спальни.

Сам он проснулся больше часа назад. Ворочался, пытаясь доспать, но всё больше и больше погружался в давно знакомое состояние тревожного ожидания. Оно росло с каждой минутой, не отступая, покуда Фёдор Степанович не проснулся окончательно и не рассмотрел в себе тот самый чёткий природный зов.

– Что на этот раз...

Он гадал с лёгким любопытством, последовательно умываясь, перекусывая наспех сделанным бутербродом с сыром под стакан сладкого чая и переодеваясь из леопарда в серую спецовку с яркими оранжевыми нашивками.

– Не похоже на электрику. Скорее вода...

Пока это щемящее чувство не доросло до крещендо, Фёдор Степанович, человек многоопытный, знал: в запасе еще 30 минут. Как раз на дорогу.

Заботливо прикрытая в спальню дверь открылась ровно в тот момент, когда ботинки были на ногах, а рука – на ручке входной двери.

– Федь, вызов?

В дверном проеме почти кокетливо образовалась домашняя тигрица.

– Да, солнышко, надо бежать.

Всем телом Фёдор Степанович ощущал нарастающее волнение.

– Подожди, подожди минуту, – притормозила супруга и, казалось, на вечность скрылась за дверью.

Сердце ускоряло ритм, теперь к томлению добавилась объективная тревога.

– Документы! – вернулась, наконец, Маруся. – Чистила куртку вчера.

– Спасибо, Мусечка, – выдохнул Фёдор Степанович. – Уехал бы, балда!

Поцеловав супругу в губы, он выскочил в подъезд, спустился, прыгая через ступеньку, с четвертого этажа и буквально выбежал на легкий утренний февральских морозец. Завёл без труда, спасибо глобальному потеплению и немцам, новенькую красную BMW (кризис среднего возраста в разгаре), и, превышая скоростные лимиты, за 24 минуты добрался до пункта назначения, а именно – за МКАД, в пригород, на улице У-чёрта-на-куличках. Ровно так Фёдор Степанович и именовал эту дислокацию в сердцах.

Само сердце, тем временем, всё больше сжималось, переходило с темпа вальса на ритм самбы и обратно, бросало владельца то в жар, то в холод.

– Ааааа, будь они прокляты, эти замкадыши.

Несвойственно для себя Фёдор Степанович выругался. Он с недовольством обнаружил, что ни одного свободного места под домом нет, придется бросать свою лошадку прямо тут, перед подъездом, загородив изрядную часть дворовой дороги.

Часы показывали 06:36.

Бросив на произвол судьбы с фигуральной и реальной болью в сердце свою вопиюще неуместную для старого двора машину, Фёдор Степанович с чемоданчиком наперевес ринулся к подъезду. Он открыл собственным электронным ключом дверь и опять-таки запрыгал через ступеньку, но уже вверх по лестнице. Долетел до пятого этажа, бешено застучал кулаком в хорошо знакомую дверь.

Долго ждать не пришлось. На пороге обнаружилась главная квартиросъемщица помещения, именуемого квартирой по случайному недоразумению, допущенному в 1956 году в момент сдачи панельной коробки в эксплуатацию. С её ещё заспанного лица легко считывалось недоумение.

– Фёдор Степанович? Всё нормаль....

– Мааааааааа!

Утреннюю тишину разрушил детский визг.

Не церемонясь, Фёдор Степанович ринулся в ванную, где из сорванного крана бил фонтаном почти кипяток.

Сердечный ритм стабилизировался, дыхание нормализовалось, глаза загорелись блеском нахлынувшего счастья, щеки покрылись здоровым румянцем.

Всё это Фёдор Степанович не раз проходил на протяжении последнего десятка лет и давно отфиксировал каждую стадию развития синдрома (так он называл сие явление во внутренних монологах). Вот и в этот раз безошибочно определил заранее природу утренней тревоги.

Он мигом выставил из ванной комнаты источник визга – дочку хозяйки, 10-летнюю Катерину в трусах и майке. Перекрыл основной вентиль подачи воды. Успел почти вовремя: никто не пострадал, воды натекло совсем ничего. Больше испугу.

– Кира Сергеевна, минут 10 надо, перекрыл пока воду.

– Хорошо, Фёдор Степанович. Спасибо. Куртку давайте, просушу на батарее. Тряпок надо?

– Да, тащи.

С невероятным внутренним подъемом Фёдор Степанович возился с краном. Такие моменты были для него, пожалуй, одними из самых счастливых в жизни – то ли ещё один эффект синдрома, то ли последствия удовлетворения возбуждения, проходящего по грани жизни и смерти. Это были его личные минуты медитации.

– Катерина! Давай быстро завтракать. В школу опоздаешь.

Из-за закрытых дверей было слышно, как в двушке-распашонке спуют её жильцы.

– Мама, я ещё зубы не чистила.

– Чаем почистишь.

– Я не буду овсянку. Почему каждый день овсянка?

– Потому что. Фёдор Степанович, Катю отправлю и вас завтракам накормлю.

– Хорошо, Кира Сергеевна. Сейчас воду верну.

– Мама, где мой дневник?

– Вчера нельзя было собраться?

– Кира Сергеевна, проверь.

– А где цветные ручки? На столе же были.

– В сумке. Давай быстрее уже. Да, Фёдор Степанович, пошла вода.

– Дядя Федя, а почему вас долго не было?

Фёдор Степанович развернулся в пол-оборота. Катерина, уже одетая в темно-зеленый школьный костюм с голубой блузой, стояла в дверном проёме, хитро улыбаясь.

– А я знала, что вы придёте. Проснулась и сразу о вас подумала.

– Катя, не отвлекай Фёдора Степановича, давай собирайся, опоздаешь, как обычно. Сколько можно уже.

– Не вспоминала – не приезжал, подумала – приехал.

Фёдор Степанович заговорщицки подмигнул.

Девочка захлопала длинными чёрными ресницами. Заулыбалась, довольная подняла высоко голову, прижала ладошку к губам, отправила воздушный поцелуй и скрылась за дверью.

– Маааам, где мой синий шарф? – уже доносилось из коридора.

Фёдор Степанович, вытирая руки старой цветастой тряпкой, усмехнулся. В очередной раз он удивился, насколько маленькая Катерина не похожа на мать.

– Будете овсянку? Или яичницу сделать?

– Давай овсянку и кофе, – сказал он.

– Я ушла! Всем пока, – донеслось из коридора.

Дверь хлопнула.

Фёдор Степанович собрал в ящик инструменты, тщательно вымыл руки и перешёл в крохотную кухню. Кира в домашних штанах и белой футболке выставляла на стол спрятанные от дочки конфеты и пирожное.

3.

Влад тяжело открыл глаза. От яркого солнечного света, заполнявшего спальню, голова раскалывалась ещё сильнее.

Мучала жажда. Холодно. Окно открыто. Забыл закрыть?

Смятая простынь неприятно ёрзала под телом. Приподнявшись на локоть, потянулся к полу, где лежал телефон, но тут же откинулся обратно. Подташнивало и кружилась голова. Не предпринимая новых попыток встать, он протянул руку вниз. Нашупал телефон. Тот был разряжен.

Вот он, звоночек. Пора завязывать.

Погоди. Вчера же не пил. Точно не пил.

Пил позавчера.

Влад вспомнил вечер накануне. Обычный вечер. Без приключений. Приехал сквозь снежные пробки домой сразу после спортклуба, поговорил с женой по телефону, посмотрел какой-то старый советский фильм и ближе к полуночи уснул. Трезвый. Один.

И всё-таки голова раскалывалась, словно через кровеносную систему пропустили два литра дешёвой водки. Слабость не давала подняться.

С большим трудом он медленно, так чтоб не вызвать нового приступа тошноты, перевалялся на другой бок. В зеркале на створках шкафа отражалась съехавшая простынь, на полу у кровати вторая подушка и одеяло, взъерошенные после сна чёрные с сединой волосы, тёмная щетина. Белое как вчерашняя метель лицо.

Видимо, давление. Вот она, старость.

Нужно что ли пройти диспансеризацию.

Ему было только 44, но алкоголь, сильнодействующие препараты, спортзал, марафон дважды в год, опять алкоголь... Адский микс.

В трусах неприятная влага. Ничего себе. Кончил во сне?

В сознании проступала вспышками ночная картина.

Гибкое вибрирующее тело сверху, гладкое как шёлк, юное, упругое, с округлой крепкой попкой, аппетитной грудкой с напряжёнными от возбуждения золотистыми сосками, мягкий живот с тонкой полоской волосков, уходящих вниз. Длинные волосы цвета созревшей пшеницы отброшены назад и рассыпаются волнами с каждым новым движением.

Вверх-вниз, вверх-вниз, быстрее, ещё быстрее, пока он не кончает.

Неудовлетворённое тело смеётся, встаёт в полный рост, зажимая меж ног в ядовито красных лаковых ботфортах. Хрупкое, светящееся наготой в тусклом лунном свете. Шпилька становится ему на грудь, больно врезается в кожу, вызывая новый прилив возбуждения.

Ему хочется осадить её, швырнуть на кровать и жёстко войти в попку, наказав за этот смех. Но невозможно пошевелиться. В оцепенении наблюдает, как медленно наливается кровью член.

Тело опускается на четвереньки, опутывает его лицо волосами.

Нечем дышать.

Покусывает его сосок до боли, лижет ранку, откидывается назад в страстном порыве, закидывая золотую гриву за спину, маняще ведёт рукой по блестящему от пота телу – рот, шея, грудь, сжимает пальцем сосок, плавно спускает руку на живот, запуская руку себе между ног и, безмолвно постанывая от удовольствия, ложится на него сверху, лёгкая как пушинка, так что он видит, как её пальчики бегают по налитым кровью губам.

Возбуждение становится невыносимым, но на этот раз он держится.

Она, кажется, кончает. Или нет. Просто останавливается, приподнимается на корточки, так что её вагина оказывается перед самым его носом, источая манящий аромат. Он пытается лизнуть, но язык не подчиняется.

Тело заливается смехом, встаёт, опускается на колени, заплетает волосы в косу и возвращается к нему, влажным языком ведёт от соска вниз – к члену, проводит языком по головке и одним быстрым движением погружает его в свой рот до самого горла....

Чёрт, что дальше? Белое пятно.

Влад осторожно повторил попытку сесть. На этот раз голова почти не кружилась. С трудом преодолевая слабость, встал и вышел из спальни.

Часы в коридоре показывали одиннадцать.

– Чёрт, чёрт, чёрт.

Он опаздывал. Его трудовой распорядок, как и трудовой договор, в обычных условиях были формальностью. Но сегодня условия были другими. Влад занимал должность одного из восьми заместителей начальника Центра анализа и экспертизы. Пропустить встречу с новым руководителем он не должен был. Даже если она станет первой и последней.

Он быстро принял душ, гладко выбрился, перехватил кусок колбасы с сыром. От крепкого кофе замутило, но всё же стало бодрее.

Выбрал в гардеробной наиболее удачный костюм. Не слишком дорогой, чтобы начальник не решил, что жизнь Влада – малина. Но и не слишком дешёвый, просто потому что таких у него не было. И в 11:25 вышел из квартиры, спустился в гараж и с удовлетворением отметил, что путь до здания, согласно навигатору, займёт не более 15 минут с учётом пробок.

4.

Толстый рыжий кот растянулся на кресле, по-хозяйски наблюдая за Кирой. Она, растянувшись на полу, выгребала его импровизированный туалет в углу за диваном, заблокированном тумбой с телевизором.

– Мы же из-под Пскова были, Кирочка. Когда немцы стали наступать, нас мама к тётке отправила в Ленинградскую область. Я даже не помню маму. Мне сестра была за маму. Она после войны хорошо вышла замуж, удачно, за инженера, в Москву переехала, деток нарожала. Верочка у нас всегда была умницей, первой красавицей, техникум окончила, бухгалтером в военторге работала, все дефицитные товары у неё были. Ты себе не представляешь, какие чулки она мне на 8 марта дарила... Всегда о нас заботилась. За маму была... Феденька, иди ко мне, иди ко мне, мальчик.

Кот не шелохнулся.

– А мы с Надей в Ленинграде остались. Всё-таки культурная столица. Тяжело, конечно, было... Я-то школу не закончила, не моё это. Это Верочка была умница, а я так, обычная. Ну ничего, жизнь тоже сложилась. В дворничихи устроилась. У нас двор был, ты не представляешь, какой двор! Интеллигентный. Я Костю Райкина гоняла, ох сорванец! Знаешь Костю Райкина?

– Знаю, Любовь Васильевна. Слышала, – сказала Кира, вылезая из-под тумбы.

Она знала этот рассказ наизусть. Он повторялся каждый раз, когда Кира проводила у подопечной уборку, главной целью которой было уничтожение следов жизнедеятельности рыжего Фёдора.

Любовь Васильевна оставалась бодрой для своих 90 лет, но глаза и нос давно её подводили – она напрочь не видела и не чувствовала тех мелких деталей, которые оставлял кот по всей жилплощади.

– Интеллигентный двор. Очень культурно жили. Я таких людей знала! Дай бог тебе с такими людьми повстречаться. Хорошо, конечно, жили. Скромно, но хорошо, по-доброму. Нам с Федей комнатку выделили в подвале. Небольшая, но уютная. Всё рядом. Я тебе рассказывала про Федю?

– Нет, Любовь Васильевна, – соврала Кира.

Бывшего тракториста из Тверской области, бойца Красной армии, а в мирной ленинградской жизни водителя троллейбуса Федю Любовь Васильевна увела у своей средней сестры Надежды, после чего они не общались больше 40 лет, пока не помирились на похоронах старшей сестры Веры.

– Фёдор мой красавец был. Очень красивый мужчина. Сколько женщин на него западало, не передать, а он не такой, не гулящий был. Пить пил. Бывало, бил. Но по бабам ни-ни, никогда. Душа в душу жили. Дай бог тебе такого мужчину, Кирочка.

Кира пропустила пожелание мимо ушей.

– Я когда забеременела, он меня поддержал. Нам дети не нужны были... В деревню что ли? К говну? Нет, Кирочка, мы культурно жили, интеллигенция, от ЖЭКа контрамарки то в театр, то в музеи, на выставки, а то и на концерты. Дефицит. Деревенские в Ленинград по партийным путёвкам, и это ещё заработать надо, а мы свои, ленинградцы. У меня двойня была. Куда мне их?

Рыжий Фёдор соскочил с кресла и, не обращая внимания на хозяйку, покинул комнату.

– Выселили бы нас с Федей. Комнату-то мне ЖЭК дал, а у Феде от парка общежитие на окраине. Это мне потом квартиру дали, почти перед самой пенсией, уже в 81-ом. Тоже наш ЖЭК. 30 лет на очереди стояли. Я уже тогда в котельной работала. Федя недолго здесь пожил,

но и то хорошо: своя жилплощадь, с отдельной кухонкой и уборной, всё как у людей. Хорошо жили.

Любовь Васильевна, когда уходила в воспоминания, начинала путаться. Из ленинградской, точнее уже петербургской квартиры, её перевёз в Москву ещё 20 лет назад племянник, младший сын Веры. Он и оплачивал Кире дополнительные услуги по уборке, не входившие в её основные обязанности.

– Ты, Кирочка, лучше предохраняйся. Не знаю, как у вас сейчас у молодёжи с этим, но ты девочка умная, будь аккуратней.

– Любовь Васильевна, у меня дочке уже 10 лет.

– Ах да, деточка, я и забыла. Совсем старая стала.

Кира навещала блокадницу от благотворительного фонда, взявшего во времена пандемии под опеку социально незащищенных жителей района, в первую очередь, ветеранов. Всё, что формально требовалось, раз в неделю помогать с оплатой счетов, поликлиникой, другими бытовыми мелочами, с которыми одиноким старикам всё сложнее справляться.

В свой первый визит Кира чуть не задохнулась, вдохнув с порога насыщенного кошачьего аромата. Но по неизвестным причинам сам источник запаха принял её как родную. Это было исключением из правила. В стандартных условиях рыжий хозяин встречал гостей шипением и когтями. Даже племянник Любви Васильевны был для кота кем-то средним между потенциальным вредителем и лютым врагом.

Для полноты картины остаётся подтвердить, что Фёдором это упитанное и избалованное существо звали в честь усопшего мужа блокадницы. К счастью, она никогда не утверждала (как минимум вслух), что кот являлся его реинкарнацией.

– Кирочка, ты не видела, где билет в Станиславского? Тут в вазочке лежал вроде...

– В серванте на верхней полке, Любовь Васильевна.

– Точно-точно. Это собес даёт. Мы с соседкой договорились поехать вместе. Далековато, конечно, но она помоложе меня... Может, и Витя подвезёт, не знаю, не ответил пока. Он занятой совсем, не до тётки ему.

Кира проигнорировала намёк и не предложила помощь. На вечерние прогулки по театрам времени у неё не было.

– Знаешь, я думала, умру. Еле добрела до дома. Фёдя на смене был. Иду, а кровь течёт. А в больницу нельзя. Посадить могли. Три дня в горячке пролежала, гноем исходила, а врача не звала. Думала, пусть лучше умру, но Фёдю не подведу. Ничего, выкарабкалась. Крепкая была. В деревне родилась, войну ребёнком прошла, а тут ерунду пережить – пережила, конечно. Детей, правда, больше не заимела, но мы с Фёдором и не хотели. Некуда нам детей. Фёдька, иди сюда, кыс-кыс-кыс...

Кот, наконец, соблаговолил отозваться, вернулся в комнату, с трудом прыгнул к хозяйке на диван, выбрал наиболее комфортную позу и замурлыкал.

Любовь Васильевна задремала.

Кира домыла полы, разобрала стиранные вещи, собрала мусор в мешок. Уже в коридоре, надев кроссовки и пуховик, она задержалась.

– Фёдор, – тихо позвала она.

В комнате послышалось шевеление, кот грузно спрыгнул с кровати и вальяжно вышел в коридор. Кира пристально посмотрела в его жёлтые глаза.

– Слушай. Я устала убирать за тобой. У тебя есть лоток. Понял?

Животное замерло.

– Я вижу, ты меня понял. Не вынуждай.

Фёдор вышел из оцепенения и настойчиво потёрся о дверь туалета.

– Закрывает? – спросила Кира, кивнув на комнату.

Она открыла старую дверь, помудрила с верхней петлёй и, убедившись, что дверное полотно теперь не до конца входит в дверной проём, повернулась к коту.

– Теперь не будет. Ты меня понял? В лоток.

Кот мяукнул и принялся чистить лапы.

Удовлетворившись ответом, Кира вышла с мешком мусора в подъезд, закрыла своим ключом дверь и достала телефон.

Экран показывал 11:40.

Ни пропущенных, ни сообщений.

Кира перепроверила следующий адрес – недалеко, на полпути к метро.

Выбросив мусор, она пошла дальше дворами, хорошо срезая путь.

5.

- Ты слегка помятый сегодня. Тяжело переживаем смену власти?
- Очень смешно. Как дела? Как обстановка? – спросил Влад, поднявшись к своему подшефному на десятом этаже Центра.
- Да никак. Никто ничего толком не знает, на чемоданах сидим.
- На вашу работу это не влияет. Работайте как работали.
- Он расстегнул пуговицу пиджака и развалился в гостевом кресле. Кабинет Влада – соседний – пустовал. Заходить туда смысла он не видел.
- Кадры молчат?
- Молчат. Все молчат. Слышали только, что начальник первым сбежал, как крыса с тонущего корабля. Кофе?
- Давай. Ио не назначали, я так понимаю?
- Маш, принеси два чёрных без сахара. Ты же без сахара?
- Да.
- Не то, что не назначали, даже подумать не успели. Вчера начальник исчез, сегодня уже новая шефиня.
- Так это баба?
- Ага.
- Неожиданно.
- Вроде любовница кого-то из Большого дома.
- Она уже здесь?
- Приехала час назад. Мои, судя по всему, её в лифте видели.
- И как?
- Говорят, ничего.
- Молодая?
- Лет 50, но хорошо сохранилась. Я не знаю, сам не видел.
- Любовница? Может, родственница?
- А кто их поймет.
- Как зовут?
- Босоркан Анна Владимировна. Я пробивал по сети, не находится такая.
- Тоже не слышал.
- А что твой человек из БД?
- Влад отмахнулся.
- Не отвечает вторую неделю. Он вечно шхерится. Наверное, опять телефон поменял. Жду, когда сам объявится.
- Так что нам, собирать вещички?
- Сидите пока. Месяц я точно выбью, дальше решим. Если что, переведём временно в одну компанию, есть возможность. Успокой людей. Работаете как работали, не обращайтесь внимания.
- Ок, шеф. Задачи будут?
- Тебе один человечек скинет материалы, нужно посмотреть, оценить, но тихо, чтоб не привлекать внимания.
- Не вопрос.
- Максимум неделя.
- Хорошо. Сделаем. Маш, ты в Бразилию что ли за кофе летала?
- Помощница, проигнорировав замечание, поставила чашки и вышла.
- Кто у тебя делал последнюю справку по приморским терминалам?

– Девочка новая, зелёная ещё, но перспективная.

– Ни хрена не перспективная. Избавься от неё. Цифры нормально подбить в Excel не способна. Если ещё раз мне такой фуфло сдашь, сам у меня на Дальний Восток вернёшься.

– Sorry, шеф. Не перепроверил, каюсь.

– Каяться у батюшки будешь, а мне чтоб без таких подстав. Совещание в главной переговорке?

– Не, в её кабинете.

Влад залпом выпил обжигающий кофе и вышел в туалет.

Опорожнив мочевого пузыря, он тщательно вымыл руки, ополоснул лицо, подтянул галстук.

Тонкий фиолетовый кусок ткани удачно сочетался со строгим тёмно-синим костюмом и лиловой рубашкой. Правда, сегодня от холодных оттенков его чересчур бледное с утра лицо выглядело болезненным. К тому же, расчёт делался на другую аудиторию. Влад снял галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, всмотрелся в отражение, немного растрепал волосы.

Теперь то, что надо.

Из зеркала на него смотрел почти Байрон. Болезненная белизна лица вытягивала образ лирического героя, крупные синие глаза с пока ещё мелкими морщинками вокруг, хорошая мужская челюсть, удачный нос, мудрая седина в чёрных волосах и, в конце концов, поджарое тело под костюмом (хорошая наследственность и тренировки) – всё то, что способно очаровать женщину в любом возрасте.

Влад, с рождения привыкший к женскому вниманию и ценивший его в известной степени, чарующе улыбнулся, тренируя свой стандартный набор приёмов.

Довольный результатом, он вышел из уборной и направился к лифтам, вверх на 12-й этаж.

В коридоре перед приёмной набился народ – заместители и начальники ключевых департаментов и управлений. Большинство этих людей он не знал не только по имени, даже в лицо.

Подошёл первый зам, протянув руку для пожатия. С ним Влад был знаком.

– Такие дела, Влад... Как сам?

– Нормально.

– Погода сегодня какая... Почти весна...

– Да.

Говорить больше было не о чем.

– Уважаемые коллеги, – остановил это бессмысленное мучение женский голос из дверей приёмной. Он показался знакомым, но чужим – точно не Ирина, секретарь бывшего шефа. – Проходите, пожалуйста.

6.

Дом был совсем новым. Часть квартир ещё не заселена. В подъезде, который Кира отыскала не без труда, стоял специфический запах стройки и ремонта.

Квартира располагалась на первом этаже. Судя по записи в графике, ветеран Афганской войны был инвалидом, передвигался в коляске.

На широкой лестнице Кира с удовлетворением отметила наличие пандуса. В новостройках это уже было нормой. В подъезд Кира вошла, набрав нужный номер на домофоне, поэтому, когда подошла к двери квартиры, та уже была приоткрыта.

– Заходите. Добрый день.

Мужчина в кресле-коляске отъехал от дверного проёма.

– Прикройте за собой, пожалуйста. Тапочки на полке возьмите. Или у вас бахилы?

– Предпочту тапочки, спасибо.

Коридор – просторный квадрат с необходимым минимумом мебели, из которого в разные стороны уходят широкие проёмы – две красивые новенькие двери под цвет ореха и две пустые арки. Выключатели и розетки по европейскому стандарту – не выше метра от пола. Удобно для колясочника.

Кира сняла пуховик, повесила на свободный крючок, переобулась, автоматически поправила волосы за уши и пошла за ветераном на кухню.

Ещё одна просторная комната в строгом холостяцком стиле с роскошным дубовым обеденным столом у окна.

– Присаживайтесь. Чаю будете?

Хозяин указал на тяжелый дубовый стул, почти что трон.

– Спасибо, не откажусь.

Пока афганец легко справлялся с подготовкой чаепития (кухня явно была обустроена специально для такого жильца), Кира достала из сумки планшет.

– Чёрный, зеленый, травяной?

– Какая трава?

– А бог его знает. В пакетиках.

– Тогда чёрный, пожалуйста. Сахара не надо.

– А у меня его нет. Сам без сахара давно. Лет 10 как отказался. Зато есть конфеты шоколадные. Без них никак не готов.

– Конфеты – это хорошо. Главное, в меру.

Она улыбнулась.

Афганец поставил стеклянные кружки на стол, чайник с чаем и коробку дорогих конфет.

– Итак, я вас слушаю, – сказал он.

– Обычное знакомство. Мне, Сергей Валерьевич, важно понять, как вы живёте, чем могу быть вам полезна. Ничего особенного, – ответила Кира.

– Понятно. Я, извиняюсь, но сразу вам скажу: вы, конечно, девушка милая, но мне помощь не нужна. Наверняка, есть люди, кому ваша помощь куда больше требуется. Я сыну так и говорил, а он ерунду придумал. Это у него от чувства вины, что не может быть рядом. Он в Штатах живёт. Давно уже. Но после аварии как девчонка стал чувствительный.

– После аварии?

Неприятие помощи у подопечного не было стандартным в её работе. Но работала она преимущественно с пожилыми одинокими людьми, которым не хватало общения и элементарной бытовой поддержки. Сергей Валерьевич оказался самым молодым в списке – согласно анкете, 61 год, а судя по квартире, не только самостоятельным, но и вполне обеспеченным человеком.

– У вас не отмечено?

Кира проигнорировала вопрос.

– Вот это, – он развел руками и крутанул коляску на 360 градусов, – у меня три года только. После Афгана контузия была, а это богатство я от пьяного дебила за рулём получил.

– Сочувствую.

– А не жалеите. Сам же этим дебиллом и был. Нажрался и в дерево со всего маху. Дерево, к сожалению, ещё больше пострадало.

– Я не жалею. Я сочувствую. Это разные вещи. А вот дерево действительно жаль, – ответила Кира, поглаживая дубовую столешницу. – Вы любите дерево, я вижу. На заказ делали?

Лицо Сергея Валерьевича разгладилось.

– Сам. Я краснодеревщик. После армии занялся столярничеством. Тем и семью кормил. Только руки спасали в 90-е. Андрея сам поднял. Это сын мой. Его мать от рака умерла в 2000-ом. Он сейчас в Силиконовой долине. Жена американка, Джулия. Юлька по-нашему. Внук растёт, Сергеем назвали, в честь меня. А, может, и в честь Брины, но мне чешет, что в честь меня. Хотел меня забрать к себе сразу после аварии, но куда мне в Америку, да и ему заботы эти лишние зачем. Я и сам нормально справляюсь. Деньги есть, заработал себе на старость, да и сейчас к подработке вернулся, в новую квартиру, видишь, переехал, ко мне женщина приходит три раза в неделю – убирает и готовит. Так что, ты извини, не понимаю, зачем ещё и тебя гонять.

Перешёл на «ты». Это хорошо. Кира выждала несколько секунд, но Сергей Валерьевич, кажется, сказал всё, что был готов сказать на данный момент.

– Смотрите, как мы с вами поступим. Вы всё равно уже в моём графике до конца марта. Я буду приходить раз в неделю, можете пускать меня, можете не пускать, но я должна приходить – это моя работа, а вам придется только расписываться за мой визит.

Кира слукавила. Система работала иначе, но Сергею Валерьевичу не нужно было этого знать.

– В обычных случаях моя основная задача – социализация ветерана и при необходимости поддержка людей с ограниченными возможностями в решении элементарных бытовых вопросов. Но вы, как я вижу, действительно другой случай. Вам такая помощь не нужна. Так что предлагаю действовать дальше по обстановке: если до конца марта придём к выводу, что мои походы к вам абсолютно бесполезны, тогда я подготовлю соответствующий отчёт фонду, и мы с вами распрашиваемся.

Сергей Валерьевич молчал.

– А теперь покажите мне квартиру. Для отчёта об условиях проживания.

Афганец, наконец, хлебнул чаю, поставил кружку и, ухмыльнувшись, согласился:

– Хорошо. Пошли.

Он шустро выехал в коридор, Кира пошла следом.

– Давно переехали?

– Третий месяц. Купил ещё на стадии стройки. Я раньше ближе к Садовому жил, но там сталинка, на коляске неудобно. Здесь долго ремонт делали. Безрукие попались мужики.

Кира делала отметки в планшете.

– Сын дизайнера нанял – ну чтоб и красиво, и функционально – под инвалида. А она дурёха молодая, только рисовать хорошо умеет, а с мужиками справиться не могла. Целый год возились, три бригады сменили. Видишь, специальная ванна для колясочника.

Ванная комната – просторная и полностью обустроенная под специфику жильца с ограниченными возможностями: в необходимых зонах к стенам крепятся поручни, душевая без поддона, в неё можно легко заехать на коляске, откидная скамейка, съёмный смеситель на уровне плеча сидящего человека, ванна – специальная, с дверцей. На стене телефон. Красиво и функционально.

Вторая арка из коридора вела в жилую комнату. Здесь всё было почти так же лаконично, как в коридоре: минимум мебели. Вдоль одной из стен – шкаф-купе, большая деревянная кровать, на тумбочке – книга и несколько тюбиков с таблетками.

– Кровати пришлось подрезать ножки, высоковата была.

Кира машинально отметила в голове набор лекарств.

– Мастерскую тоже показывать?

– У вас мастерская?

– Ну мастерская или рабочий кабинет. Я мастерской называю.

Это была вторая комната, которая отделялась от коридора дверью.

– Кухню и комнату не стали дверьми закрывать, удобней передвигаться, а мастерскую звукоизолировали. Я, конечно, крупными формами не занимаюсь, но по мелочи иногда пилю, строгаю, под заказ и для души, а это громко бывает и грязно.

Кира никогда раньше не бывала в мастерской столяра. Стены здесь оказались покрыты грубой штукатуркой с эмульсионкой желтоватого оттенка. Поверх кое-где виднелись подтёки. В отличие от других комнат по-мужски уютной квартиры здесь ощущалась сырость. Посередине комнаты стоял тяжелый прямоугольный стол с отверстиями в столешнице, по всей видимости, верстак. На двух смежных стенах – стройные ряды инструментов. По полу разбросаны куски дерева, коряги, хаотично расставлены пластиковые банки, стружка, куски ниток. В углу – перевернутая навзничь табуретка с резными узорами. Творческий беспорядок?

– Да что ж такое. Опять!

Лицо Сергея Валерьевича перекосило от боли.

– Что случилось? – дёрнулась Кира. – Сердце? Какие таблетки?

– Да не, – отмахнулся афганец. – Опять это.

Он попытался проехать к верстаку, попутно подхватывая с пола деревяшки, но неловко наезжал на разбросанные мелкие преграды.

Творческий бардак в его положении оказался не настолько уместен.

– Давайте помогу.

– Ты не думай, у меня обычно всё на своих местах. Беспорядок на рабочем месте – беспорядок в голове. Не пойму... Второй раз такое.

Кира не совсем понимала, что мусор, а что часть творческого процесса, но, ориентируясь на афганца, помогла ему навести относительный порядок.

– Я бы понял, если б в окно кто залез, но стеклопакеты же. Милицию вызывал, они только руками развели. Говорят, может, я лунатик.

– А вы лунатик?

– До сих пор не был.

– Спите крепко?

– Всю ночь кошмары мучали. Только лёг, у соседей сверху новоселье что ли, крики, гам, я уж и по батарее стучал, без толку, еле уснул, всю ночь ересь какая-то снилась, задыхался, а разбудить себя не мог. У тебя такое было?

– У всех, наверное, случается.

– Как сонный паралич. Жуткая штука. Всю ночь промучился. А утром захожу в мастерскую – хаос. Полиция говорит, следов взлома нет. Я и сам вижу, что нет. Но что за ерунда? Мистика какая-то. Домовой что ли завёлся. Или точно лунатиком стал, по ночам на своих двоих хожу...

– Может, и домовой. Почему бы и нет? – Кира улыбнулась.

– И леший заодно с русалкой, ага, – засмеялся афганец.

– Ладно, Сергей Валерьевич, мне пора. Вот моя визитка, здесь мобильный, почта, в случае необходимости звоните, пишите. Я доступна 24 часа в сутки, семь дней в неделю, хотя в

выходные всё-таки в крайнем случае. И ещё здесь телефоны прямой линии службы поддержки. К ним тоже можно по любым вопросам обращаться.

Он молча взял визитку, наблюдая, как Кира, вернувшись в коридор, переобувается и надевает массивный пуховик.

– Если позволите, завтра к вам забегу с утра. Я совсем забыла про подарочный пакет. Там ерунда всякая – чай, печенье, шоколад, но при первом визите положено, а я забыла.

– Да бог с ним.

– Нет, никак не могу, так положено.

– Ну хорошо. Но раньше девяти не приходи, я долго сплю.

– Договорились. До завтра.

Распрощавшись Кира вышла в подъезд, открыла записную книжку в телефоне и сделала пометку: «Дербенник». Настой его корня хорошо снимал головные боли, облегчал ревматизм, действовал как антисептик широкого спектра, отвар из травы работал как мочегонное и общеукрепляющие. Новому подопечному трава тоже не помешает.

А заодно, на всякий случай защитит.

Плакун-трава, она же дербенник иволистый, издавна заставляла плакать злых духов.

7.

Народ потянулся в кабинет.

Проходя через приёмную, Влад на секунду завис. За секретарским столом сидела нимфа. Та самая. Как минимум девушка, очень похожая на ту, из сна. Лица он не помнил, его черты размылись, но волосы – тот же цвет, та же фигурка.

Она оторвалась от блокнота, пересеклась с Владом взглядами, улыбнулась ничего не значащей улыбкой и вернулась к записям.

Внизу живота шевельнулось желание, в ушах зашумело, но он взял себя в руки, и прошёл в кабинет.

Здесь уже собралась вся толпа. Помещение преобразилось с тех пор, как Влад был здесь в последний раз: холодная серая коробка с белыми жалюзи, металлическими стеллажами и креслами на колёсиках превратилась в тёплую кремовую комнату с яркими абстракциями на стенах. Присаживаться, по всей видимости, не предлагалось. Из помещения пропал большой переговорный стол (на его месте теперь лежал пушистый персидский ковёр), стояли только три кресла, не считая глубокого кожаного для самой шефини за деревянным столом с причудливо витыми ножками.

Вся обстановка предполагала короткий формат совещания, чему Влад в общем-то был рад.

Анна Владимировна Босоркан приветствовала подчиненных стоя у стола.

Первое, что бросилось в глаза, – её красные волосы. Наверняка, у этого оттенка есть специальное название, но Влад не считал себя знатоком таких нюансов. Он (впрочем, как и остальные коллеги-мужчины) просто видел красный. Довольно опасный цвет для женщины в таком возрасте, тем более что в природе подобных оттенков не бывает, краситься, очевидно, приходится часто.

Однако шефиня, надо отдать должное, выглядела безупречно.

Определить длину волос не представлялось возможным, они были собраны в причёску, и, если бы Владу предложили её описать, он, скорее всего, воспользовался бы определением «что-то во что-то».

Фигура не девочки, но и не бабы. Важная деталь, безусловно, бросающаяся следом за цветом волос: грудь не меньше четвёрки. Её подчеркивала глубоко декольтированная бежевая блуза причудливого кроя.

Ничто земное нам не чуждо, с одобрением отметил Влад.

Формат совещания не подразумевал диалог один на один, поэтому он не рисковал слишком уж откровенно утонуть в декольте. Стараясь сдержать улыбку, Влад представил, каково это – общаться с ней с глазу на глаз, точнее, с глаза на грудь.

Оставалось надеяться, что дамочка не ханжа.

На груди – длинная серая нить жемчуга с инкрустированными вставками логотипа Шанель. Юбка-карандаш чуть ниже колен могла бы быть строгой, но её тёплый коричневый цвет и кожаная фактура, обтянувшая точёные ягодички, не располагали к строгости. Или это грудь сбивала с толку?

Цвет глаз рассмотреть издали было невозможно, но точно не чёрные или карие, скорее, светлые. Крупные чёрные стрелки, подчеркивавшие контраст. Глубоких морщин опять-таки не видно, но для них и рановато, особенно с нынешним развитием косметологии. В ушах массивные кольца, того же серого оттенка, что и жемчуг.

Словом, «я бы вдул», резюмировал Влад.

В этот момент штучка, кажется, выделила его из толпы и, сверкнув стрелками, будто ответила: «Я б дала».

– Добрый день, коллеги, – прервала, наконец, она поток его (и не только его) мыслей. – Думаю, нет смысла представляться, вы и так уже знаете, кто я и зачем я здесь. Поэтому буду краткой. На данном этапе для вас ничего не меняется – продолжайте работать, как и прежде. Центральный офис ожидает, что несмотря на некоторые, скажем так, корпоративные изменения, Центр будет выполнять свою работу с тем же уровнем качества, как было до сих пор. Возможно, позднее, когда я ознакомлюсь с текущими делами более подробно, мы с вами вернёмся к обсуждению перспектив. Но пока мне больше нечего сказать. Прошу вернуться к своим рабочим местам. В случае необходимости дополнительные встречи я назначу индивидуально.

Несколько растерянные от такой скорости и отсутствия определённости подчиненные молча потянулись к выходу. Таких оперативных совещаний в их карьере ещё не было. Новых вводных для диалогов в курилке оно не добавило.

Один Влад, чрезвычайно довольный быстрой развязкой, задержался в приёмной.

– Милая красавица, я немного заблудился, можете мне найти выход?

Секретарь подняла на него удивлённые глаза.

– Заблудился в ваших волосах.

Влад, выбрав из всего своего арсенала самую откровенную улыбку, понизил голос до томного шёпота.

Она обворожительно засмеялась в ответ. Звук молнией пробежал по телу, вновь разбудив воспоминания о сне.

– Вы не поверите, вы мне снились сегодня. Это судьба.

– Может, снилась, а может, нет.

Нимфа заморгала ресницами и чувственно закусила нижнюю губу.

– Давайте поужинаем, прекрасная дева.

– Давайте, – немедленно согласилась она. – Но не сегодня. Сегодня не могу, я приду к тебе завтра.

– Лета, зайди, – раздалось из переговорного устройства на столе.

– Лета... какое красивое имя. До завтра, Лета.

Она легко выпорхнула из-за стола и, проводив Влада из приёмной воздушным поцелуем, вошла к Анне Владимировне.

Шефиня сидела за столом, перелистывая страницы многостраничного блокнота в кожаном переплёте с бесчисленным количеством закладок.

– На 15:00 первого заместителя.

– Да, Анна Владимировна.

Лета ждала. Она слишком давно и хорошо знала шефиню, чтобы понимать: разговор не окончен.

– Это он?

– Ага.

– Красавчик.

– Ага.

– Обязательно его?

– Анечка Владимировна, а что, а? Почему нет? Пожалуйста, – умоляюще затараторила Лета. – Мне скучно, а он такой сладенький. Ну пожалуйста. Он же вам совсем не нужен.

– Семья?

– Жена, но она не здесь живёт, он туда на выходные только ездит.

– Любовницы?

– Раньше много, сейчас постоянная, уже почти год, но не живут вместе, он один живёт.

– Любовники?

– Вроде нет.

– Хорошо. Только не перегибай.

– Спасибо, Анечка Владимировна, спасибо родная моя, вовек не забуду. Уж больно он милый, сладенький такой, сочный как персик.

– Иди, – отрезала шефиня.

Осчастливленная Лета вылетела из кабинета, постукивая каблучками красных сапожек.

8.

Пропитавшиеся оттаявшим снегом мокасины размякли и скользили по босым ногам, но Иван Иванович не чувствовал холода. Втянув голову в плечи скорее по привычке, чем от промозглого февраля, он дошёл до назначенного места и остановился. Замер.

Покрытая плиткой широкая пешеходная площадка отделяла здание музея народного искусства от плотного потока машин. Из площади торчали в строгом порядке в четыре ряда голые деревца. Иван Иванович не чувствовал их. Так, одна декорация – равно как и те металлические конструкции в форме деревьев с гирляндами вместо листвы.

Он не чувствовал этот город. Зато ощущал порцию приземного озона, оксид углерода, щепотку сероводорода и диоксида серы.

Что ж, каждый сам делает свой выбор.

Из-под стеклянного здания появился невзрачный персонаж в тёмно-синей куртке. Он быстро огляделся по сторонам, заметил Ивана Ивановича. Подошёл. Не вытаскивая рук из карманов, шмыгнул носом.

– Здорова. Меня ждёшь?

– Тебя, – по-прежнему не двигаясь, ответил Боровой.

Персонаж недоверчиво обернулся, расстегнул куртку на три четверти, достал из-за пазухи конверт формата А4. Он протянул его Ивану Ивановичу и быстро застегнулся. Боровой сложил конверт вдвое и спрятал за пальто.

– Ну, это, я пошёл, – сказал персонаж, но замялся.

– Что-то ещё?

– Да не... – решался тот. – Слушай, ты, это, Анне Владимировне привет передай. Скажи, я всегда готов.

– Скажу.

Он всё ещё мялся.

– Как она?

Боровой вопросительно молчал.

– Ну, это, всё такая же?

– Такая же, – ответил он, хотя не до конца представлял, какой она была для этого тёмно-синего человека.

Тот, удовлетворившись ответом, развернулся и, не прощаясь, быстрым шагом скрылся под стеклянной конструкцией.

Иван Иванович выждал и двинулся по плиточному пути.

Дорога до второй точки на машине заняла бы 15 минут, но Боровой, несмотря на лёгкую хромоту, предпочитал передвигаться ногами. Тем более время до следующей встречи позволяло.

Он шёл почти бездумно, как обычно погружённый в себя, пока его внимание не привлёк молодой человек на стремянке, установленной на газоне. Одной рукой он держал у рта мегафон, другой размахивал воздушными шарами. Парень призывно вещал про распродажу курток и пуховиков по сниженным ценам.

Боровой с недоумением огляделся: вокруг редкие прохожие, поток машин, уходящий под эстакаду, по левую руку – дорожки парка, где в будний день, когда яркое весеннее солнце без остановки менялось местами с тусклым серым небом февраля, не было ни души.

Странные эти горожане.

Когда-то, в другой жизни, он, пожалуй, и сам был таким.

Через пару перекрёстков поток прохожих стал плотнее. На светофоре скопилось с десятков человек, из которых пятеро – на самокатах, в жёлтых и зелёных куртках, с прямоугольными

рюкзакami за спиной. Иван Иванович не сразу понял, кто эти «близнецы», пока не вспомнил, что теперь так доставляют еду.

Похоже, уже нет необходимости выходить из коробок. Для всего есть интернет.

Боровой не осуждал цивилизацию. Каждый делает свой выбор, каждый несёт его бремя. Новому времени – новые боги.

Так было от рождения первого человека и будет до скончания времён.

Неизменным оставался только страх человека неизвестностью и вера во всемогущество – сначала непознанной природы, потом – единого бога под разными именами, наконец, самого себя, Homo sapiens.

Что дальше? Чего боялся Homo digital?

И вновь неизвестности: что будет, когда или если машина, плод труда Homo sapiens, вытеснит создателя из реального мира, как вытеснил когда-то человек Бога и его армию?

Какие демоны проснутся, когда виртуальный мир заменит реальный?

Из страха человек стал всемогущим, или, скорее, уверился в своём всеилии. Но тысячи лет он оставался неизменным в своих страхах и вере. Не изменился и сейчас.

К чему осуждать цивилизацию, если она как вода найдёт себе путь через твёрдую скалу. Всё равно что осуждать людей, которыми с сотворения мира движет всё то же мельничное колесо.

Всё равно что осуждать Бога.

Боровой, не глядя на часы, которых у него просто не было, определил, что до назначенного времени оставалось около 10 минут. Он ускорил шаг и вскоре дошёл до площадки с 6-метровой бронзовой стеной из человеческих тел. Ещё одно напоминание человеку о его истинной природе, жестокой в своём псевдо-всемогуществе.

Напротив, через широкий перекрёсток, светло-красная восьмиэтажка со скруглёнными углами и сплошным ленточным остеклением, авангардный эксперимент позднего конструктивизма с каркасной системой, где внутреннее пространство опирается на колонны, а стены – только защита от окружающего мира.

Иван Иванович ухмыльнулся иронии – два полюса 30-х годов прошлого века на одном перекрёстке.

Какие напоминания останутся от нынешнего времени?

– Прошу прощения, вы не меня ждёте? – прервал его размышления высокий сутулящийся парень в очках, мутных от капель.

Иван Иванович не заметил, как солнце опять сменилось тучами, и над кварталом повисла морось.

– Вас, – ответил он.

– Здравствуйте, – незнакомец протянул для пожатия руку.

– И тебе не хворать, – отреагировал Боровой, но рук из карманов не достал.

Парень смутился, но использовал поднятую руку, чтобы снять очки и протереть платком от воды.

– Принёс?

– Да-да, сейчас. А обязательно на бумаге? Я бы мог сканы через «облако» переслать. Мне не очень удобно отходить с работы в такое время, шеф может дёрнуть.

– Так спокойней, – сказал Боровой.

Парень напрягся, с мелкой дрожью в руке открыл портфель, достал пухлый бумажный свёрток формата А4 и протянул Ивану Ивановичу.

– Думаете, это настолько опасно? – наконец, выдавил он из себя.

– Жизнь вообще штука опасная, а хорошая жизнь – вдвойне.

– Извините, а можно тогда наличкой?

Иван Иванович усмехнулся:

– Быстро учишься.

Он достал из пальто пачку новеньких тысячных купюр.

– Прощу прощения, извините, они настоящие? Без подстав?

– Перегибаешь, парень.

– Извините. Конечно. Благодарю. Если что я на связи.

Он развернулся и широким неуверенным шагом, как кукла на шарнирах, направился к подземному переходу. Боровой, не двигаясь, смотрел ему вслед.

Страх – древнейший механизм управления человеком.

Преодолев на время извечный страх, сегодня вечером этот человек отдаст все деньги в полуправильном притоне на юго-западе Москвы, где чистенькая шлюха, плотно обтянутая кожей, даст выпороть себя, театрально умоляя о пощаде. Там, на задворках большого года, он почувствует себя всемогущим, накажет за детские обиды мать-диктатора, ранившую когда-то девушку, смеющуюся над ним коллегу – да бог его знает, кого ещё. И успокоится ещё на время.

Такие всегда найдутся. А, значит, пусть спускает пар в жестокой игре. Всё лучше, чем настоящая охота.

Боровой ухмыльнулся: выходит, он сделал доброе дело.

9.

Пётр обнаружил на счёте написанный от руки номер телефона. Расплатился, оставил щедрые чаевые милостивой официантке, но чек не захватил.

Его не интересовали спонтанные развлечения. В своём деле он был мастер. В отличие от Леты, лишённой интеллекта, Пётр предпочитал запутанные сценарии, живые эмоции и настоящую драму.

Он вышел из кафе и неспешно направился в сторону ЦУМа. Столичная слякоть, превращаясь от заморозка в шугу, грозила безжалостно испортить его новенькие ботинки Santoni, но Пётр не замечал таких мелочей.

Он думал.

Ближе к двум скандинавский бог в шерстяном пальто от Logo Piana, джинсах и тёплом свитере с высоким горлом вошёл в универмаг.

10.

Тряхнув вымокшей головой, Иван Иванович пригладил мокрую бородку, поднял плечи повыше, чтоб вода не затекала за ворот, и неспешно отправился в тот же подземный переход, но другой его «рукав». Выйдя на противоположную сторону широкого проспекта, он ускорил шаг и через несколько перекрёстков был на проходной Центра анализа и экспертизы.

Из лифта вышел бледный мужчина в тёмно-синем костюме с лиловой рубашкой. С невидящим взглядом он шагнул прямо на Ивана Ивановича.

– Ой, простите, – остановился Влад в последний момент, очнувшись от грёз.

– За рулём осторожней.

– Да, конечно. Спасибо.

Иван Иванович поднялся на 12-й этаж в одиночестве.

В коридоре было безлюдно. В приёмной Лета, устроившись в кои-то веки за столом (а не на нём), стучала по клавиатуре.

– У себя?

– Добрый день, Иван Иванович. У себя. Минуту, пожалуйста, – ответила девица. Она нажала на клавишу переговорного устройства. – Анна Владимировна, Иван Иванович подошёл.

– Пусть заходит, – услышал он голос в ответ.

Боровой скинул промокшее почти до нитки пальто, повесил на плечики и пристроил на пустой гостевой вешалке. Пакеты он предусмотрительно выложил на кресло.

– Дай полотенце.

Та выпорхнула в соседнюю кухню, принесла рулон бумажных полотенец и протянула Боровому.

– Других нет.

– Ладно, давай.

Иван Иванович намотал побольше мягкой бумаги и прошёлся по мокрым волосам на голове и подбородке. Лучше выглядеть он точно не стал, но теперь с него хотя бы не капало. Взяв со стола оба пакета, Боровой вошёл в кабинет.

Анна Владимировна сидела, погрузившись в блокнот. Боровой молча положил пакеты на край стола и традиционно устроился в кресле, прикрыв глаза.

– Все нормально? – не отрываясь от записей, спросила она.

– Да.

Спустя несколько минут Босоркан, наконец, закрыла блокнот, подняв взгляд на Борового. Почувствовав его, он медленно открыл глаза.

– Тебя что-то волнует.

– Не люблю город, – почти не шевеля губами, ответил он.

– Неважно.

– Да.

– Здесь все? – спросила, взяв со стола пакеты.

– Не открывал.

– Мог бы проявить больше рвения.

– С какой целью?

– Это общее дело.

– Я делаю достаточно.

Босоркан замолчала. Отведя взгляд от Борового, открыла пакеты, пролистав бумаги и с удовлетворением отложила на край стола:

– То, что надо.

Он не ответил в ожидании дальнейших распоряжений.

Медленно покачивая бёдрами, она вышла из-за стола.

С каждым её шагом Ивана все настойчивее обволакивал запах лесных ягод в утренней росе. Он понял её намерения.

– Не надо.

– Такая мелочь, Ваня...

Она мягко пристроилась на подлокотнике кресла. Кожа юбки натянулась до предела. Дыхание участилось. Грудь, казалось, стремится вывалиться из декольте. Опьяняющий аромат многократно усилился, погружая Борового в сладкий миг прошлого.

– Не надо, – еле слышно сопротивлялся он.

Но Анна затягивала его всё глубже и глубже.

Не было больше ни кресла, ни кабинета, ни этого абсурдного безликого здания. Только пьянящий аромат летних цветов, трав и ягод. И на самой кромке леса та самая поляна, где он впервые увидел её – свою юную босую красавицу в белой длинной рубахе. Одинокó идёт по кромке поля, напевая слова одной ей известной песни. Останавливается, срывает василёк, вставляет цветок в копну длинных каштановых волос и, закрыв глаза, вдыхает полной грудью аромат летнего поля.

– Анна Владимировна, ваш первый заместитель здесь, – прервал наваждение голос из динамика.

Аромат мгновенно исчез. Босоркан резко встала, вернулась к столу и, нажав на клавишу, попросила подождать. Она повернулась к нему спиной, поправила блузку,правила юбку, резко развернулась и холодно распорядилась:

– Можешь идти. С этими персонажами я сама разберусь.

Боровой молча встал и покинул кабинет.

11.

Голова с непривычки закружилась от никотина. Саша давно не курила, но сегодня купила пачку Vogue с ментолом. Пальцы моментально пропитались сигаретным запахом. Она поморщилась, достала из сумки санитайзер, протерла руки, огляделась, увидела мусорку, смяла початую пачку без одной сигареты и вместе с зажигалкой выбросила. Постояла еще несколько минут, разглядывая выходящих из магазина покупателей с черно-оранжевыми пакетами, за которые когда-то душу могла отдать, и, наконец, вошла в ЦУМ.

– Привет, Наташ! Как дела? АннаВанна в зале?

– Привет, дорогая. Нет, сегодня отгул взяла.

Наталья недолюбливала Александру, и это было взаимно. Но ещё больше обе они не любили старшего менеджера торгового зала Анну Ивановну. В её присутствии на рабочем месте просто потрепаться было невозможно.

– Ты по делу? Или так?

– По делу, Наташ, конечно, по делу, – бросила Саша на ходу, ускоряя шаг. – Ой, простите...

Она влетела в молодого человека, неспешно прогуливавшегося по первому этажу.

– Ничего, – ответил он, широко улыбнувшись.

Ещё осенью Саша уволилась из ЦУМа – с тех пор как переехала в Хамовники, в трёшку с видом на Москва-реку. Работать ей было не положено. Во всяком случае, так считал Вовчик. На увольнении из продавцов-консультантов настоял он.

Александра обогнула прохожего, неудачно оказавшегося прямо на пути, и по инерции продолжила движение.

Зачем она возвращается сюда?

Гардероб Александра уже обновила кардинально, оставив от прошлой жизни всего несколько вещей – как, например, эти кроссовки от Gucci, первые в ее жизни брендовые кроссовки, купленные пару лет назад с хорошей скидкой. Они стоили, как три отцовских зарплаты.

Нет, она возвращалась в ЦУМ от скуки.

Новых подруг у неё так и не появилось. Статус был не слишком определенным. А старые работали в ЦУМе.

Тонкий, едва уловимый аромат. Саша резко обернулась. Что за одеколон? Она достала телефон и, якобы отвечая на вызов, приложила к уху. Как бы невзначай она оглядывала зал.

Мужчин было немного. Владелец аромата среди них не просматривался. Он был высоким, выше Саши как минимум на голову, крепким, но не широким, в темно-синем пальто – всё, что успела отметить в момент столкновения.

Убедившись окончательно, что в зале его нет, она с лёгкой досадой оборвала несуществующий звонок, спрятала телефон в карман и направилась к эскалатору.

Вовчик не скрывал её существования. Они вместе ходили на хоккейные матчи с компанией его друзей, ездили за город и даже в Австрию на лыжах кататься. Но эти друзья не пересекались с той, другой жизнью Вовы. Когда он ходил в Большой театр или на выставки, она узнавала постфактум, из его рассказов о том, как спалось на очередной опере.

Пустая трата денег и времени. Она бы в отличие от него оценила...

Но брать её в оперу ему в голову не приходило. Удел любовницы – хоккей.

Вообще он был добрым, веселым, умным и, главное, щедрым. Саше Вовчик вправду нравился. С ним было уютно и надёжно. И то, что в отцы годился, не смущало. Её собственный отец родил её после 40, когда Сашиной матери было 19. Мать через три года сбежала, бросив мужа и дочку, так что Александра ничего о ней толком не знала.

Конечно, всё это было временно, но многое ведь зависело от её способности как можно дольше сохранить Вовин интерес. И получить от него как можно больше.

Вкус у Вовы вкус отсутствовал напрочь, зато была широкая душа. Он не мог оценить гармонию цвета и крой, а если речь шла об экстрамодной новинке, ржал как деревенский увальень. Уральский валенок и в столице валенок.

Мерилом Вовы был ценник. Достаточно было назвать цену, чтобы он проникся ценностью: закатывал глаза, но признавал необходимость существования в природе (и сашином гардеробе).

Саша однажды из любопытства и безделья отыскала аккаунт Вовиной жены во ВКонтакте. Страничка давно не обновлялась, фотографий было мало, но даже по ним можно было смело сделать вывод, что отсутствие вкуса – то общее, что роднило Вову с супругой.

А, ну да, общими ещё были дети и имущество.

Зато её вкус был безупречен. Природа наградила неплохим стартовым пакетом: кошачьи ореховые глаза, пухлые губы, не нуждающиеся в дополнительной подкачке, густые тёмно-русые волосы, стройные ноги, красивая грудь, но главное – чувство гармонии. Благодаря врождённому безупречному вкусу, она получила правильную работу, следом – требуемого мужчину, а там, глядишь, до Королевского колледжа искусств дойдет.

В крайнем случае залететь можно. Вовчик души не чаял в своих детях, это она хорошо знала. Так что ребёнка Саша вместе с Сашей обеспечит. Но это на крайний случай. Александра не о детях мечтала. Её целью был Королевский колледж искусств Великобритании. А для этого ей был нужен такой Вова.

– Прошу прощения, вы, кажется, потеряли варежку, – прозвучало за спиной.

Саша чуть повернула голову влево, незнакомец стоял совсем близко, окунув её в дорогой аромат одеколona, на ступеньке эскалатора через одну. Он поднялся выше, и глаза их оказались почти на одном уровне.

– Простите, кажется, это ваша варежка, – повторило божество, не дождавшись ответа. – Аккуратней...

Дорожка эскалатора закончилась. Пётр аккуратно подхватил Александру под локоть, не дав оступиться.

– Ох, боже мой, спасибо, я сегодня не с той ноги встала, – опомнилась Саша. В ушах шумело, ноги буквально подкашивались, кровь прилила к лицу.

– Я заметил, – ответил он, широко улыбнувшись. – Так что с варежкой?

Александра полезла в карманы, достала перчатки и с ответной улыбкой пожала плечами:

– Не моя, как видите.

– Хм. Мне показалось, у вас выпала, когда вы на меня так удачно налетели. Что же с ней делать?

– Думаю, мы можем оставить её у любого кассира, они отнесут администратору.

Саша сама не ожидав, выдала «мы», от чего ещё больше покраснелась.

– Поможете?

– А что мне остаётся после того, как я вас чуть не сшибла, а вы мне жизнь спасли на эскалаторе?

– Премного благодарен, – сказала божество, слегка поклонившись. – Могу я на правах жертвы и спасителя представиться?

– Представляйтесь.

– Пётр, – сказал он, легко кивнув головой.

– Александра. Можно просто Шура.

– Рад познакомиться, прекрасная Александра. Куда идти?

– Следуйте за мной, Пётр.

Уже неделю Вовчика не было в Москве.

Саше не вдавалась в детали его другой жизни, ей было неинтересно. Достаточно того, что не надоедал. Она надувала губы и строила оленьи глаза, разыгрывая грусть и печаль из-за его отсутствия, но на самом деле её это устраивало.

Почему бы уже не влюбиться по-настоящему? С бабочками в животе, шумом в ушах и подкашивающимися ногами.

Удовлетворенный эффектом, Пётр неспешно прошествовал следом за летящей Александрой.

– Мааааам.

– Слышу.

Убедившись, что картошке не помешает её отлучка, Кира открыла дверь. За порогом вместо Фёдора Степановича стоял снеговик.

– Ой, вы не на машине?

Фёдор Степанович отряхивал снег на лестничной клетке.

– На машине, но у вас как обычно парковаться негде, я в соседнем дворе оставил.

Он не стал пояснять, что этим утром за его парковку прямо на дороге кто-то поцарапал ему зеркала заднего вида. С этим кем-то он обязательно разберётся в следующий раз, когда будет уверен наверняка.

Подозрения были. Фёдор Степанович был уверен, что это сосед снизу, которой писал заявления в ремонтно-эксплуатационное управление и участковому на всех жильцов подъезда. Старик-сосед явно вошёл в стадию маразма.

– Проходите, у меня картошка, – сказала Кира и убежала на кухню.

Фёдор Степанович, повесив куртку на крючок, отправился в ванную.

– Катрусь, привет ещё раз, – крикнул он в воздух.

– Здравсте, дядь Федя, – донеслось из комнаты.

За 20 минут вопрос со смесителем был решён. Не рекорд, но руки дело знают. Фёдор Степанович не работал по вызовам лично. За исключением Кириного дома.

Когда он впервые увидел её, она была на последнем месяце беременности – ещё с длинными волнами каштановых волос. Не красавица, но симпатичная. После рождения дочери Кира отказалась от главного богатства – постриглась под мальчика, и с тех пор отпускала волосы только до плеч, прикрывая уши и чёлкой глаза, – как сейчас.

– Ужинать будете? – спросила она.

– Не, благодарю, но поеду. Пробки сейчас, раньше выеду, раньше приеду.

– Будьте осторожны.

– Постараюсь. Катрусь, я поехал.

– Дядь Федя, погодите! – отозвалась девочка.

Катерина с первого взгляда удивляла несхожестью с матерью. Видимо, в отца, всегда думал Фёдор Степанович. Упомянуть о нём, правда, было не принято, и Фёдор Степанович, не видевший этого человека ни в жизни, ни на фотографиях, мог только догадываться. Жгучая брюнетка с пелёнок, её тяжёлые прямые волосы не выгорали и на летнем солнце. Крупные чёрные глаза формы миндаля. Смуглая кожа – в отличие от Кириной молочной бледности. Взгляд – кажется, игривый, мягкий, но, если застать врасплох, не по годам взрослый, даже надменный, будто эта детскость – маска. Будто с рождения она была не ребёнком, а женщиной, знающей себе цену. И цена эта была куда выше, чем мог позволить обычный человек.

Вот и сейчас она смотрела на него глазами взрослой женщины. Подошла и шепнула:

– Я никому не скажу про ваш секрет.

– Какой секрет?

– Что вы волшебный.

Фёдор Степанович расплылся в улыбке.

Он вспомнил почти такой же вечер 10 лет назад, когда ноги вынесли его из сауны, дрожащего от аритмии, и понесли в затуманенном сознании в чужой дом в спальном захолустье Симферополя.

Взъерошенный, с трехдневной щетиной после трехдневной гулянки, хорошо, хоть одетый, перед чужой дверью.

Дверь открыла незнакомка, спокойно пустила в дом, без страха провела в комнату со светло-жёлтыми обоями и тяжёлым дубовым комодом.

– Карниз только прибить и шторы повесить, – сказала она.

– Инструменты?

Девушка указала на старый потертый ящик в углу полупустой комнаты, и он самозабвенно принялся за дело, с каждой минутой ощущая, как боль отступает, напряжение спадает, приятное тепло разливается по отрезавшему телу...

Катя подмигнула и убежала в комнату.

Две такие разные девочки... Только подрастая, Катерина начинала обретать материнские черты. Больше в движениях – такой же наклон головы в разговоре, чуть вправо и вперед, такой же лукавый прищур, лёгкое движение рукой, отбрасывающее чёлку от глаз, те же часто ироничные интонации в голосе...

– Кать, иди ужинать, – позвала она дочку, закрыв дверь за вечерним гостем.

На столе стояли две тарелки с золотистыми брусочками картошки, нарезанный пластинками соленый огурец, патиссоны, сметана и компот.

– Мам, а Фёдор Степанович домработник?

– Почему домработник? Бери огурец.

– Не буду я огурец, – отбилась она, положив в тарелку ещё ложку сметаны. – А кто он? Он же как домработник – появляется, только когда что-то ломается.

– Просто хороший человек.

– Не надо, мама, я уже взрослая, я всё понимаю.

– Что именно?

– Он из сказки.

– Не помню что-то в сказках домработников. Чай будешь?

– С чем?

– С интересом.

– Не, не буду. Мне читать надо.

– Математику сделала?

– Почти.

– Помочь?

– Не, уже заканчиваю, – ответила Катя, выйдя из-за стола.

Кира мыла посуду и вспоминала, как Фёдор Степанович, прибав карниз и подвесив шторы, вдруг ошарашенно обернулся, словно проснулся.

– Ты кто?

– Здравствуйте. Вас как зовут?

– Фёдор. Степанович. Как я здесь оказался?

– Я Кира. Кира Сергеевна. Пойдемте на кухню.

На кухне, за чаем с дешёвым печеньем, она, извиняясь, пыталась пояснить ему, что происходит.

...Вас ко мне мама прикрепила. Или меня к вам. Не знаю, как точнее. У нас никогда не было домовых...

...Мама думает, мне одной тяжело будет по дому и вообще... Это, конечно, так... Мама всегда права.

...Я постараюсь меньше вас беспокоить. Правда, это не всегда от меня зависит.

...Вам, главное, лучше недалеко. Можете не успеть. Нехорошо закончится.

...Я не могу вас у себя поселить. Да вы, наверное, семейный. Вы же с семьёй?

...Вы не переживайте, главное, Фёдор Степанович. Это не навсегда. Я точно не знаю, на сколько. Я ещё не разобралась.

...У нас никогда не было просто. Вам, наверное, нужны будут инструменты. Я в этом не понимаю, у меня только самое обычное...

Фёдор Степанович только ошалело слушал.

– А карниз вы отлично прибили. У вас руки золотые. Вы чем в обычной жизни занимаетесь?

– Бизнесмен, – выдавил он из себя.

– А я учусь, социальная работа.

– Как я тут оказался?

– Я не очень понимаю, как это действует с биологической точки зрения, но технически: когда мне по хозяйству что-то нужно, у вас на автоматическом уровне срабатывает. Как рефлекс.

– Понятно...

– Есть некоторые особенности. Вы не то, чтобы лично ко мне прикреплены, вы скорее к моему дому. То есть там, где мой дом, там вы. Так что вам, слава богу, не придется за мной ездить, если вдруг я куда-то поеду на время, например, на каникулы или в отпуск. Но если я, скажем, решу переехать жить в другой город, то, к сожалению, вам тоже придется.

– Понятно...

– И это бесплатно. То есть я не смогу оплачивать ваши услуги. То есть вы не сможете эти деньги взять, даже если я попробую. Это не как услуга, выходит, а... ну как ваше предназначение что ли. Или такая соцобязаловка... Не знаю, как лучше сказать.

– Понятно. Как домовёнок Кузя?

Она сначала не поняла, потом рассмеялась, вспомнив советский мультфильм:

– Вроде того. Хотя то, конечно, всё сказки. Домовые могут быть обычными людьми, просто их мифологизировали. Так проще понять.

13.

Москву заметало снегом. Через толстое затемнённое стекло Башни отдельные снежинки были неразличимы, только белёсая густая дымка между окном и огнями города.

Роман Викторович прижался лбом к холодному стеклу. На секунду ему пришла в голову мысль найти подмороженную железку и как в детстве прикоснуться к ней языком. Какая глупость. Результат понятен.

Нет, не ностальгия по детству. Сиюминутный порыв.

Он отошёл от окна и сделал несколько шагов к двери. Потом обратно. Кабинет на 48-ом этаже Башни позволял неспешную прогулку по квадрату.

В соседней комнате, размером поменьше, стояли беговая дорожка, многофункциональный тренажер для силовой нагрузки, шкаф с комплектами рубашек и галстуков, диван для отдыха и холодильник. Там же – дверь в душевую с видом на столицу. Здесь спокойно можно жить. Но Роман Викторович давно пришёл к выводу, что как язык клеится к морозному железу, так и он приклеен к работе вне зависимости от геолокации.

Именно поэтому настоящий дом обязателен – как минимум, для смены внешней обстановки.

Он взял со стола тонкий проспект – ежемесячный обзор аналитиков.

«Динамика цен производителей зерна с начала сезона отражает изменения валовых сборов и мировых цен на зерно по сравнению с прошлым сезоном. После сезонного снижения в июле – августе цены на продовольственную пшеницу и в меньшей степени на ячмень начали постепенно укрепляться. Цены кукурузы с 1 сентября по начало ноября упали, но в дальнейшем начали рост. Стоимость пшеницы и ячменя к началу февраля ниже, чем годом ранее, на фоне снижения экспорта и мировых цен; стоимость кукурузы превышает уровень прошлого года из-за заметного роста экспорта; цена гречихи выросла по причине снижения урожая».

В прошлом году до рекорда не дотянули: озимые частично погибли в зимний и ранний весенний периоды, посевные кое-где начались с опозданием, часть урожая страдала от засушливого лета, да и последствия карантина все еще давали о себе знать. И всё же объёмы производства вселяли уверенность.

«С 31 января по 6 февраля экспорт злаков составил 423,9 тыс. т (-4,1 % к уровню предыдущей недели и – 25,4 % к среднему показателю за четыре недели), в том числе пшеницы – 367,0 тыс. т (+16,6 %; -23,1 %), кукурузы – 42,4 тыс. т (+3,4 %; -25,8 %), ячменя – 6,2 тыс. т (-93,2 %; -92,7 %)».

Российское зерно в этом сезоне шло в Турцию и Египет. И там, и там Роман Викторович бывал не раз, лично изучая рынки сбыта и потенциальных партнёров – хитрых, переменчивых, многословных.

«В феврале давление на цены пшеницы продолжит оказывать поступление на рынок пшеницы и ячменя нового урожая из Аргентины и Австралии. Негативным внешним фактором, который окажет давление на цены сырьевых товаров целом и зерна в частности, будет сохраняющийся риск распространения вирусов в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Этот фактор будет отрицательно влиять на мировую торговлю зерном по крайней мере до лета. После этого можно ожидать быстрого восстановления объемов торговли и укрепления цен».

И Китай, и Юго-Восточную Азию он не любил. Понимал, что это центр притяжения, куда повернули денежные потоки. Но не любил.

Однажды он съездил в Китай, будучи по делам в Гонконге. Тогда он перебрался на пароме в Чжухай, город-миллионник на берегу южно-китайского моря в провинции Гуандун. Ещё 40 лет назад там была деревня в дельте реки Чжуцзян, а сейчас – свободная экономическая зона

и муравейник. В небоскрёбах уже царил дух современности, но, спускаясь на землю, возвращался в глубокую провинцию.

Он мало что запомнил из той краткой поездки, кроме аутентичной забегаловки, куда повёл его коллега-китаист.

Кафе было самое что ни есть местное, для своих. Оно представляло собой навес, собранный из подручных материалов, несколько пластиковых столов с клеёнчатыми скатертями, красные пластиковые стулья к ним и кухню, скрытую за хлипкой ширмой. Роман Викторович предпочёл не смотреть в сторону кухни, подозревая, что проверку санэпиднадзора она не выдержит. Но, как ни странно, еда оказалась прекрасной – простой и вкусной, насколько могут быть просты и вкусны непонятные ингредиенты, которые посетитель сам отваривал в кипящем на его столике бульоне.

Двухдневного пребывания в Чжухае хватило, чтобы понять, в чём китайцы похожи на русских, и больше не возвращаться сюда. Бизнес с КНР можно было вести удалённо.

Но недолюбливал он Юго-Восточную Азию не поэтому. Ещё до «короны» он понимал, что регион – колыбель вирусов, которые бесконечно копируя себя, мутируют и разносят заразу по миру. И хотя сам он болел редко, а «корона» обошла его семью стороной, Романа Викторовича не тянуло ни в сказочное Бали, ни к слонам в Таиланд.

«В перспективе можно ожидать повышение спроса и цен на американскую пшеницу, сою и кукурузу, что поддержит мировые цены. Потенциальное ухудшение агрометеорологических условий и/или снижение посевных площадей в ключевых регионах мира могут сформировать тенденцию к росту цен весной. Высока вероятность, что цены в странах-конкурентах будут расти быстрее российских из-за текущего очень высокого экспорта из этих регионов, ведущего к снижению запасов. Темпы экспорта пшеницы и ячменя из основных стран-конкурентов превышают их экспортный потенциал, а в России, наоборот, текущий экспорт ниже потенциала. Во второй половине сезона конкурентоспособность российской пшеницы и ячменя повысится, что будет способствовать росту экспорта».

Он закрыл проспект и бросил его на стол. Часы показывали 20:10.

На экране компьютера всплыло оповещение о входящем письме. Кликнул на сообщение: «... среднероссийские цены на пшеницу 3 класса составили 15 176 руб./тонна (+1,3 % за неделю), на пшеницу 4 класса – 13 234 руб./тонна (+0,7% за неделю), на пшеницу 5 класса – 11 646 руб./тонна (0% за неделю)...». Не дочитав, закрыл.

Сегодня был большой день. Он шёл к нему много лет.

Делал неверный выбор, учился, делал верный выбор, выстраивал стратегию, искал тропы в обход – тихо, незаметно, не дразня крупных игроков. Налаживал связи, оказывал услуги, становился незаменимым, рисковал и проигрывал, рисковал и срывал куш. С каждым годом его сеть компаний расширялась, поглощая или убивая конкурентов. Больше 20 лет назад он начинал как мелкий трейдер, перепродавая сельхозпродукцию мелких производителей. Постепенно зашёл в сегмент хранения. Тогда же занялся логистикой. И главное, что вынес за все эти годы: управлять вселенной проще, если не привлекаешь внимания. Только близкие могли представить масштабы его сети. Но они не интересовались. А он не жаждал признания.

Сегодня Роман Викторович закрыл многомесечную сделку по покупке контрольного пакета в одном из крупнейших профильных холдингов страны. Таким образом, по его личной оценке, с сего дня по меньшей мере 25 процентов всего объема зерна, произведённого в стране, так или иначе проходили через его руки, его компании.

В ближайшие дни корпоративные службы подготовят и направят обязательную оферту миноритариям холдинга о выкупе их акций. В течение следующих 70 дней станет понятно, насколько вырастет его доля.

Правда, ещё предстояло провести множество встреч с владельцами крупных пакетов. Он хотел бы их сохранить. Задачи безраздельного владения не стояло – в этом не было функцио-

нальной необходимости. Контрольный пакет давал право управления хозяйственно-экономической деятельностью компании. Этого было достаточно.

На экране телефона засветилось сообщение мессенджера.

«Роман Викторович, извините, вы не ответили, а время поджимает. Будем соглашаться на интервью?»

Писал директор по PR. Его главной задачей все последние пять лет работы была минимизация интереса широкой общественности к Роману Викторовичу и его персональной империи.

Конечно, у него не было иллюзий: экспансия на рынке, пусть и настолько эволюционная, не могла остаться незамеченной. Его имя уже мелькало в интернете, но пиарщик хорошо отрабатывал хлеб, постепенно и незаметно вымаривая такие публикации со страниц прессы.

Выходить на публику сейчас? Смысл?

Для успокоения инвесторов? Для этого есть публичные директора его публичных компаний, в крайнем случае – личные встречи.

Он не играл в эти игры. Если нужно было что-то сказать, он делал это лично, не через страницы газет.

Интервью без функционального смысла – для удовлетворения эго. А эго Романа Викторовича отнюдь не страдало.

Интервью с бизнесменом, про которого ничего не известно и который не даёт интервью, – для удовлетворения эго журналиста. А ему не было функциональной нужды удовлетворять эго неизвестного ему человека.

«Нет», – ответил он в сообщении, в очередной раз закрыв тему.

Положив телефон на стол, Роман Викторович подошёл к мини-бару, налил стакан чистого виски и залпом выпил.

В отражении стеклянной стены Башни на него смотрел крупный как медведь мужчина с хорошим брюшком. Дорогая белая рубашка в районе талии натянулась до предела. В последние месяцы он запустил себя: забыл о тренировках, только бегал по утрам. Эта невинная передышка тут же дала о себе знать.

Он всегда был крупным и ростом, и телосложением. Предрасположенный к полноте по наследству ещё с 30 лет перешёл на правильное питание, занялся спортом. Но годы брали своё, и приходилось всё строже и строже следить за фигурой – это требовало тех сил и времени, которых с его жёстким графиком никогда не хватало.

Слава богу, хотя бы не лысел и на том спасибо: грива была почти как в молодости, только седея наполовину.

Мысленно обещав себе завтра же вернуться в спортзал, он налил второй стакан, на этот раз разбавив виски хорошей порцией льда. Выключил основное освещение, погрузился в широкое уютное кресло напротив окна, закинул ногу на ногу и, смакуя дорогой виски, смотрел на огни большого города.

Когда-то мальчишкой из белгородской деревни он приехал в Москву. Не жаждал вершин. Просто хотел выучиться и вернуться к полям, засеянными пшеницей, ячменем и кукурузой. Жизнь сложилась иначе. Пожалуй, лучше, чем он представлял.

Институтские друзья стали партнёрами. Девушка, студентка курсом младше из соседнего вуза, – женой, матерью его пятерых детей – трёх девочек и двух сыновей. Старшие уже получали образование в лучших европейских вузах и, кажется, к сожалению, планировали там остаться.

Что ж, их выбор.

Младшие учились в школе.

Налаженный быт, большой семейный дом в Подмосковье, квартира на случай рабочих будней в центре столицы, дом в Испании, участок в Карелии под будущую застройку.

Мать, правда, наотрез отказывалась переезжать в Москву из родной белгородской деревни.

Всё – упорным трудом с каплей везения.

Каждое четвёртое зернышко...

Он не был склонен к сантиментам, но после многомесячного марафона с финальной сделкой как марафонец наслаждался моментом триумфа.

Виски, наконец, взяли своё, растекаясь по жилам приятным теплом.

Мать не будет слушать. Давно дала понять, его деньги – его дело. Она гордилась сыном, но не хотела знать, ни как он их зарабатывает, ни как тратит.

Жена – не поймёт. Поначалу пробовала вникать в его дела, интересовалась, но дома его отрезало: дом – это дом и там нет места рабочим вопросам. Было бы странно спустя столько лет нарушить негласное правило.

Да и он понимал: автоматический рефлекс – оставлять работу за порогом дома – как обычно, сработает и на этот раз.

Друзья? Оба и так были в периметре сделки.

Он взял телефон, открыл записную книжку, нашёл нужную строчку с номером, который не набирал больше года, и... не позвонил.

Надев пиджак, пальто и шарф, Роман Викторович вышел из кабинета, спустился в подземный гараж, где ждал водитель, и сквозь снежную ночную пелену уехал домой.

14.

– Мам, я всё.

– Бажова прочла?

– Кого?

– «Малахитовую шкатулку» Бажова.

– Ты же мне на ночь прочитаешь?

Другого ответа ожидать не приходилось.

– Портфель?

– Завтра соберу.

Зачем спрашивать? И этот ответ известен.

– Зубы чистить и умываться!

– Хорошо-хорошо, мамочка.

Разместившись рядом с дочкой на её кровати, Кира открыла на планшете сказку Бажова.

– Мам, расскажи сначала про домового.

– А «Малахитовая шкатулка»?

– Ну потом. Расскажи. Он хороший? Как дядя Федя?

Кира задумалась.

О домовых ей когда-то рассказывала бабушка. Каждый летний вечер, закончив дела по дому, она усаживала её во дворе с ведром вишни (чистить от косточек для вареников и закруток; для наливки шли ягоды с косточками) или с охапками трав (перебирать для хранения на зиму), или просто так, с вазочкой мороженого, и рассказывала небылицы про всякую сказочную нечисть. Как только не было страшно? Может, потому что мягкий малороссийский говор, в котором русские слова сливались с украинскими, ловко вывязывая паутину истории, убаюкивал самые страшные страхи?

– Тогда слушай внимательно и не говори потом, что не слышала. Давным-давно, когда на свете не было ни тебя, ни меня, Господь Бог, сотворив мир, сбросил на землю всю непокорную злую силу. Он, знаешь ли, тот ещё парень, совсем не дурак: после таких трудов ему хотелось отдохнуть и зажить на небе спокойно, без всей этой суеты с вредными и непослушными ангелами. И скидывая их вниз, Бог не сильно заморачивался: куда падали, туда падали. Кто-то упал в болота и озёра, кто-то в леса и поля, но многие попадали в людские дома.

– К нам тоже?

– Молчи и слушай. Сначала они, конечно, очень злились: представь, жили себя прекрасно на небе, а на тебе столкнулись с реальностью. От злости стали проказничать больше прежнего.

Хуже всех было тем, кто упал в болота и озёра. Особенно злым духам. У них была клаустрофобия, то есть страх ограниченных пространств. Они первые походили с ума от тоски, обросли водяной тиной, волосы и бороды позеленели, глаза стали большие как подошва ботинка, чтобы лучше видеть в глубине, и чёрные от постоянного отсутствия света. По ночам слышен был их страшный хохот или вой, так что люди стали бояться ходить к озёрам. А уж к болотам – и подавно. Одиноко им было в своих холодных и мокрых домах, поэтому пользовались любой возможностью затащить себе человека в компанию. Днём спали, а по ночам, если кого видели по берегу, тут же хватали и утаскивали к себе на дно – пиры пировать, играть в карты, слушать истории про жизнь. Мало кто возвращался живым с тех пиров. Только к рыбакам спокойно относились, и то, если рыбак им щепотку табака кидал перед рыбалкой. Таким они даже помогали, сами рыбу на крючок цепляли или в сети загоняли. Этих злых духов – упавших в болота и озёра непокорных ангелов – в народе прозвали болотными и водяными.

Некоторым непокорным ангелам, правда, везло: они падали в воду, где жили русалки. Только это были не такие русалки, как в мультиках, а обычные девушки без хвостов-плавников. И чем севернее они жили, тем более злыми и мстительными они были.

Наверное, витаминов не хватало.

И оттого были они некрасивые, растрёпанные, бледные как поганки.

Главная их забава была поймать человека и защекотать до смерти, или просто потопить. Но если у них в воде появлялся водяной, они всё-таки поспокойней становились. Он их в узде держал, так как считал себя главным.

Кое-где водяные даже отпускали русалок в лес гулять на русальной неделе – примерно в конце весны – начале лета. Тут людям нужно было быть особенно осторожными. Русалки в это время становились обычными девушками, только очень красивыми, парням голову могли заморочить и в озеро затащить, а девушку, если одна в лесу была, к себе в сёстры забирали.

Южнее, на Украине, русалки были симпатичнее и жили не в самой воде, а по берегам, на ивах. По ночам они качались на ветках, водили хороводы, играли и пели, а днём спали. Вот с ними и водяным веселее жилось.

Другие злые духи падали в лес и стали лешими, или лешаками, лесовиками, боровиками, лесным лихом – их по-разному называли. Им было попроще – всё-таки раздолье. К тому же в лесу уже много разных духов природы жило. Они, поэтому не такими сумасшедшими стали, как водяные. И не такими страшными. На человека больше похожи, только поросшие мхом, кривые как коряги и ростом выше – могли быть вровень с лесом, а могли уменьшаться в рост ребёнка, это как им было удобно. Говорить умели, но не любили. Пели без слов, но так, что слышно было издали, как лес в бурю шумит. И тоже не подарок. Даже своих родичей водяных постоянно дразнили, издевались над ними, поэтому в лесу, где были болота и озёра, часто слышался громкий хохот, ауканья, свист и завывания. Это леший и водяной друг с другом ругались. А вот к соседям – полевикам, домовым и банникам – не лезли, чтобы не ссориться.

Все звери и птицы в лесу подчинялись одному только лешему, а так как лешие, как и вся нечисть, азартные были, то нередко проигрывали друг другу свою лесную живность в карты. Например, говорят, однажды сибирские лешие проиграли в большую игру всех своих белок и гнали их через всю тайгу и сибирские деревни и города на уральские горы.

К людям по-разному относились. Если человек уважал их дом, то есть лес, его не трогали, а если нет, если рубил без разбору, то плохо ему было.

Но в основном лешие не столько вредили людям, сколько проказничали по глупости. Могли запутать человека, который в лес за грибами и ягодами пришёл, закружить, завести его в самую чашу, тот испугается, поймёт, что это его леший попутал и давай к известным приёмам прибегать.

– Каким?

– Не спишь ещё?

– Не.

– Не страшно?

– Ни капельки.

– Можно было просто помолиться. Но лучше так: найти пенёк, сесть на него, снять с себя платье, вывернуть его наизнанку и так на себя надеть. Ещё обязательно правый ботинок надеть на левую ногу, а левый – на правую. Если зима, рукавицы поменять местами. А если двое заблудились, им ещё и одеждой нужно поменяться, но точно так же все шиворот навыворот надеть.

– Смешно.

– В том и дело. Лешему смешно становилось, и он, насмеявшись, отпускал заблудившихся.

Но больше всех повезло тем злым духам, которые упали в человеческие дома. Они как бы переродились, оказавшись рядом с человеком. И сами люди так к ним привыкли, что перестали причислять их к злой силе. Никто не позволял себе ругать домовых, наоборот, относились с уважением и нежностью. Их тоже звали по-разному – и кормильцем, и братушкой, домовиком, доможителем, дядькой и просто хозяином.

Мало кто видел домовых своими глазами, но всегда знал, что он защищает и сам дом, и его жильцов. Если вдруг кто из нечисти покушался на добро или жизнь семьи, домовый и подраться мог. Но чаще всего он предупреждал о несчастьях и бедах разными мелочами: мог женщину за волосы дернуть – это, значит, не ругайся с мужем, хуже будет; мог облить водой в ночи – значит, человек мог заболеть; загремит или разобьёт посуду – осторожней с огнем. Если семья дружная, то он тихо живёт, а если ругаются, то громыхает и хрюкает недовольно. И так привыкал к дому и его жильцам, что, если хозяин переезжал, ему нужно было очень сильно постараться, чтобы выманить домового на новое место.

Конечно, домовый не полностью изжил свою злую природу. Всё-таки не просто так его с неба Бог выкинул, поэтому и на земле оставался большим проказником и шутником. Но больше по мелочам: мог спрятать какую-то вещь в дома, чтоб посмеяться, наблюдая, как её искать будут; мог спящего человека в ночи щекотать или сесть ему на грудь от нечего делать. А если хозяин без его согласия продавал или отдавал что-то из дома, мог сильно разозлиться и не давать покоя, пока не вернут эту вещь обратно.

- Мам, получается, Фёдор Степанович – нечисть?
 - Почему же?
 - У меня же вечно всё теряется. Это он так шутит.
 - У тебя не из-за него всё теряется, а потому что ты растеряша. Давай Бажова читать.
 - А они существуют?
 - Домовые?
 - Ну да, водяные, лешие, домовые всякие.
 - Не думаю. Уже вымерли, наверное.
 - Почему?
 - Люди в них перестали верить, вот они и вымерли.
 - Жалко их. Пусть я тогда буду в них верить.
 - Хорошо, – улыбнулась Кира, открывая планшет. – А теперь Бажов.
- К третьей странице Катерина уснула.

15.

Большой город уходил в ночную февральскую дрему. Лишь два юных бесёнка кружили высоко над домами под молодым месяцем, раздувая метель. Поделив город на двое по Москве-реке, они спорили, кто больше бед натворит: сталкивали автомобили на скользкой дороге, ставили подножки редким прохожим, разворачивали на запасные аэродромы самолеты. Одним словом, проказничали.

Часть 2.

*Отче наш, ти що єси на небесах, нехай святиться ім'я твоє,
нехай прийде царство твоє, нехай буде воля твоя, як на небі, так і на землі.
Хліб наш насущний, дай нам, сьогодні;
і прости нам провини наші, як і ми прощаємо винуватцям нашим;
і не введи нас у спокусу, але визволи нас від лукавого.
Бо твоє є царство, і сила і слава, на віки вічні. Амінь.*

1.

Конечно, я всё прекрасно понимала, много лет всё знала, всех его шалав знала поимённо. Если вы думаете, товарищ следователь или как вас там, что я дура, не знала, так нет, знала. Как любая жена знает.

И ваша жена знает.

С самой первой шалавы знала, с Ирки, с одноклассницы моей. Он её, суку, трахнул под забором моих же родителей, когда мы к ним в отпуск приехали. Представляете?! Кобель чёртов. Первый раз увидел и тем же вечером к забору раком. Я из окна увидела. Беременная, стою реву, а что делать?

Красивый был. Такому какая хочешь даст.

А он ни одну сучку пропустить не мог.

Так и жили.

Но всегда домой приходил, товарищ следователь, всегда. Думал, не знаю.

У него ж на лице всё написано. А он думал, не знаю!

Вы, товарищ следователь, когда налево ходите, вы сначала лимон съешьте, а потом только домой, а то у вас, у мужиков, как у кота сметана по морде.

А чего оскорбляетесь? Не мужик что ли?

Я вам совет по делу, а вы оскорбляетесь.

А что к сути-то возвращаться?

Трахал каждое дерево всю жизнь, зато все деньги в дом, хорошо жили, всё было, дочку очень любил, принцессой росла. С возрастом остепенился, дом под Тверью построили, я туда переехала, когда Олечка в институт поступила, между прочим, в Сорбонну, в Париже это.

Ну хорошо, что знаете. Не дурак значит.

Владик в Москве квартиру оставил, а на выходные всегда домой приезжал, всегда. Как второй медовый месяц был, от чувства вины, наверное. Девочек реже стал цеплять.

А тут по весне как нашло на него что. Первое время ещё приезжал, но такой погасший, слабенький, спал сутками напролёт, я уж думала, может, онкология, а мне не говорит, бережёт, а потом вообще перестал ездить, мол много дел и тяжело в дороге. Думала, всё, в больницу слёг, а меня пугать не хочет. Припёрлась в Москву, захожу в квартиру, а он там, спит, бледный как смерть, но морда – как у кота в сметане, я такое уж точно ни с чем не спутаю. Ну, думаю, слава богу, если на девочек ещё сил хватает, значит, не такой уж и больной. Вот с тех пор я его и не видела.

Я потом ещё в Москву приезжала, уже в мае что ли, да, сразу после праздников, когда он опять не приехал. Он мне, товарищ следователь, звонил на 9 мая, мол развода хочу. Вы представляете? Я 20 лет его терпела, кому я сейчас нужна, а он мне – развод. Да хрен там, а не развод. Он мне что-то там про любовь всей его жизни, отпусти мол, а я ему так и сказала: хрен тебе, кобелина, а не развод, погуляешь – вернёшься, и трубку бросила. А на сердце-то беспокойно, поехала в Москву, нашла его Ленку...

Ленка – шалава его последняя. Вы её допрашивали, не? Я вам дам контакты. Девушка слегка того, аспирантка, филологиня, стишки пишет, в Инстаграм голую задницу постит с розовыми соплями, мужики-то понятно, на что клюют, а дура дурой. Но такая нормальная баба, поговорить можно, главное, сразу по делу вопрос ставить, а то её уводит в болтологию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.